

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Т. А. Богданова*

Из академических «историй»: замещение кафедры церковного права в Московской Духовной академии в 1910 году

В условиях подготовки к созыву церковного Собора и разработки нового вероисповедного законодательства весьма важное значение в духовных академиях приобретали кафедры истории Русской Церкви и церковного права, преподаватели которых выступали экспертами при обсуждении вопросов церковных преобразований.

Внутри каждой академии издавна существовали своеобразные «партии», отстаивавшие при выборах на кафедры своих кандидатов. В подавляющем большинстве кафедры замещались выпускниками родной академии. Случаи избрания «со стороны» были исключением. Еще реже преподавателями становились лица, окончившие светские учебные заведения. Однако именно таковыми были вступившие на кафедру церковного права — В. Н. Бенешевич (СПбДА, 1906 г.) и Н. Д. Кузнецов (МДА, 1910 г.). Последний, правда, прослушал в 1887–1891 гг. курс в СПбДА.

Выборы в СПбДА по времени пришлось на введение в действие (декабрь 1906 г.) «Временных правил», даровавших академиям относительную «автономию». Тогда в самом факте предпочтения университетского магистра богословия Бенешевича «ученому богослову-канонисту», выпускнику КазДА А. И. Алмазову ревизовавший СПбДА архиепископ Димитрий (Ковальницкий) усмотрел доказательство «нецерковного» настроения группы профессоров¹. Как на случай в истории духовных академий исключительный, возможность которого архиепископ Димитрий объяснял именно партийно-групповыми интересами, он указывал, что 18 октября 1907 г. (т. е. всего лишь через 8 с небольшим месяцев после избрания на кафедру) доцент Бенешевич, едва приступивший к чтению лекций, был избран экстраординарным профессором.

---

* © Богданова Т. А., 2007

Татьяна Александровна Богданова, доктор церковной истории (Свято-Сергиевский православный богословский институт, Париж), старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Короткая эпоха «академической весны», или «автономистской смуты», резко усилила конфронтацию «правых» и «левых» внутри академий². Замещение кафедры церковного права в МДА происходило после отмены «автономии» (3 февраля 1909 г.) и утверждения нового академического устава (2 апреля 1910 г.), столь болезненно воспринятого академическими корпорациями³. Высшая духовная школа, оценившая новый устав как «разгром» академической жизни (о чем свидетельствует переписка преподавателей), подвергалась резкой критике со стороны церковной власти и несправедливому поношению на страницах светской печати⁴. В составе и положении академических корпораций происходили быстрые и значительные изменения. По результатам ревизии академий 1908 г. за «направление» 7 профессорам, в том числе и Бенешевичу, предложили подать прошение об увольнении. Кроме того, ввиду введенного новым уставом ограничения срока духовно-учебной службы (30 лет) были уволены несколько старейших профессоров, в числе которых и Н. А. Заозерский, заведовавший кафедрой церковного права в МДА.

Хронологическая канва событий, связанных с замещением кафедры церковного права в МДА, такова⁵. 6 октября 1910 г. Заозерский рекомендовал в качестве своего преемника экстраординарного профессора по кафедре истории и обличения раскола И. М. Громогласова⁶, ректор академии епископ Феодор (Поздеевский) — известного церковного публициста, присяжного поверенного Н. Д. Кузнецова. Обсуждение кандидатов происходило в двух заседаниях совета Московской академии: 6 и 13 октября 1910 г. и оба раза сопровождалось длительной полемикой⁷. Подвергнув сомнению благонадежность и научную ценность трудов Громогласова, ректор на заседании 6 октября заявил, что подаст особое мнение и поставит вопрос об «уместности» пребывания Громогласова в академии. Причем, как указано в журналах совета, решено было «частным образом спросить профессора Громогласова, не желает ли он взять обратно свое заявление»⁸. По словам бывшего профессора МДА П. В. Тихомирова, епископ Феодор предложил Громогласову взять заявление о переходе на кафедру церковного права в обмен на оставление его в академии и снятие с него обвинения в неблагонадежности⁹. Так епископ Феодор доказывал «за собой право и долг указывать на несоответствие церковных и политических взглядов известного профессора с тем, как должен, по смыслу устава академии, проводить в сознание ее питомцев»¹⁰.

В результате голосования 13 октября оба кандидата получили равное количество голосов (причем А. С. Орлов подал свой голос и за Громогласова, и за Кузнецова), однако на стороне Кузнецова был голос ректора, что, как полагали сторонники Кузнецова, позволяло считать избранным именно его. 18 ноября 1910 г. журнал совета МДА о выборах был подан в Синод для окончательного утверждения кандидата. Вместе с журналом в Синод поступили донесение Московского митрополита сщмч. Владимира (Богоявленского), поддержавшего мнение епископа Феодора, и докладная записка Громогласова, обвинившего ректора в «неправильностях процессуального характера при обсуждении вопроса о замещении кафедры церковного права» и в «несправедливом отношении к нему»¹¹. Синод признал, что произведенное по-

средством рекомендации избрание «не дало вполне определенных результатов, так как оба кандидата — Кузнецов и Громогласов — получили одинаковое число голосов», и 1 декабря последовал указ об избрании достойного кандидата «посредством конкурса, в дальнейшем же ходе дела поступить по закону»¹². Однако указ не был передан в совет МДА и задержан митрополитом Владимиром, как он впоследствии отмечал, по распоряжению самого же Синода¹³.

3 декабря 1910 г. епископ Феодор составил рапорт на имя обер-прокурора С. М. Лукьянова. Убежденный, что конкурс отдаст кафедру в руки Громогласова, он просил лишить последнего права участвовать в нем¹⁴. Вопрос рассматривался в нескольких заседаниях Святейшего Синода 8, 9 и 14 декабря. В результате Святейший Синод отклонил ходатайство ректора, «не усматривая законных оснований к устранению профессора Громогласова от участия в конкурсе», но, учитывая заявления «о сомнительности церковно-политического настроения» Громогласова, признал необходимым «иметь обстоятельные сведения о нем с этой стороны» и поручил митрополиту Владимиру представить Святейшему Синоду «документально обоснованные сведения о направлении и образе мыслей Громогласова» и отзыв о том, насколько он разделяет мнение ректора о «прямом противоречии со смыслом нового академического устава теперешнего пребывания в духовной академии профессора Громогласова»¹⁵.

17 декабря в газете «Московские ведомости», издаваемой под редакцией Л. А. Тихомирова, появилась статья члена Государственного Совета архиепископа Никона (Рождественского) «Новое светило церковного права», направленная против Громогласова как автора «революционной» статьи «Наше общественно-политическое обновление и современные задачи Церкви»¹⁶. Вменяя в вину Громогласову «каждение в сторону Гапона, Петрова, Семенова и др[угих] расстриг», архиепископ Никон обращался непосредственно к Московскому митрополиту Владимиру с надеждой, что он «не допустит такого позора во вверенной его попечению академии и твердою рукою разорвет всю паутину интриги, пытающейся отравить рассадник богословских наук под покровом обители преподобного Сергия; мало того, и лекции по расколу передаст в более надежные руки»¹⁷. Обращает внимание, что статья написана 14 декабря, в день, когда Синод фактически передал решение вопроса о дальнейшем пребывании Громогласова в академии на усмотрение митрополита Владимира. Статья же архиепископа Никона почти обязывала Московского митрополита к изгнанию Громогласова из академии.

20 декабря последовал рапорт епископа Феодора на имя митрополита Владимира с обвинениями Громогласова в политической неблагонадежности, антимонархическом направлении, вредном влиянии на студентов академии¹⁸. 4 января 1911 г. Громогласов составил на имя обер-прокурора Лукьянова объяснительную записку по поводу предъявленных ему обвинений¹⁹, и в тот же день газета «Голос Москвы» опубликовала «Письмо в редакцию» бывшего профессора МДА П. В. Тихомирова, сообщавшего подробности о заседаниях академического совета 6 и 13 октября и называвшего главными виновниками

интриги против Громогласова профессоров Глаголева и Введенского, руководству которых «легко доверяются... иерархи Владимир и Феодор»²⁰.

Исполняя поручение Синода, 25 января митрополит Владимир представил в Синод обширное донесение, в котором по пунктам изъяснял, почему дальнейшее пребывание Громогласова в МДА «является противоречием новому уставу», и настаивал на его «устранении» из академии²¹. Указом от 28 февраля — 9 марта 1911 г. за № 3301 Синод предложил Громогласову подать прошение об увольнении²². 19 марта указ был передан в академию, и 24 марта о нем узнал Громогласов²³. 19 апреля указ был заслушан в академии вместе с прошением Громогласова об увольнении. 13 апреля (т. е. до формального окончания дела об увольнении Громогласова) митрополит Владимир доложил в Синод, что конкурс «не представляется необходимым», поскольку кандидатура Громогласова «отпадает сама собою», и выборы от 6–13 октября «становятся по результатам вполне определенными в пользу Кузнецова»²⁴. Указом Синода от 4 мая 1911 г. за № 5925, сданным в академию на следующий день (и заслушанным в заседании совета 7 июня), утверждалась кандидатура Кузнецова (с 16 августа 1911 г.)²⁵. 10 мая прошение об увольнении Громогласова было доложено в Синод, указом от 17 мая за № 6514 он был уволен, 20 мая указ был получен в МДА²⁶.

Комментируя назначение Кузнецова и увольнение Громогласова, газета «Русское слово» писала: «Духовная власть и правящая академическая партия могут теперь торжествовать полную победу. Но эта победа — Пиррова победа. Она досталась очень дорогой ценой»²⁷. В тот же день «Новое время» откликнулось на это событие небольшой заметкой. Не касаясь личностей кандидатов, оно выразило сожаление, «что совет Московской академии не счел для себя обязательным подчиниться предписанию Святейшего Синода и объявить конкурс, а Святейший Синод так легко отказался от своего первоначального определения»²⁸. Газета «Голос Москвы» главным инициатором увольнения Громогласова называла митрополита Владимира²⁹.

Некоторую хаотичность и хронологическую непоследовательность распоряжений Синода относительно увольнения Громогласова и назначения Кузнецова можно объяснить сомнениями членов Синода относительно кандидатуры последнего. Однако именно Кузнецову хотел отдать кафедру церковного права новый ректор МДА. Именно последний был, на мой взгляд, главной пружиной интриги против Громогласова, причиной удаления которого из академии стала отнюдь не его «неблагонадежность», а попытка занять кафедру церковного права, на которую епископ Феодор хотел провести своего кандидата или кандидата своей «партии». По признанию самого Кузнецова И. С. Бердникову, «в Москве не хотят и слышать о моем отказе и утверждают, что это было бы преступлением с моей стороны против *нового церковного направления* [выделено мной. — Т. Б.] и причинило бы огорчение тем лицам, которые, несмотря на разные интриги, в интересах дела старались добиться моего утверждения, как лица, избранного вполне правильно»³⁰.

Однако профессорская карьера соперника Громогласова была непродолжительной. Уже через 2 года Кузнецов покинул академию (указ Синода от

2 сентября 1913 г.), мотивируя свой уход трудностью совмещения общественной и судебной деятельности с преподавательской³¹. «Чужаки» не задерживались в академических стенах, даже если по каким-то особым причинам попадали туда, всем строем академической жизни они отторгались как инородное тело. После ухода Кузнецова кафедру занял профессор Новороссийского университета А. И. Алмазов, ученик И. С. Бердникова.

Н. Н. Глубоковский в письме Бердникову упрекал своего коллегу в готовности помогать «чужаку» и «карьеристу» Кузнецову, к тому же в недалеком прошлом их «предсоборному врагу». В заседаниях Предсоборного присутствия Кузнецов был одним из наиболее радикальных и последовательных представителей меньшинства, энергично проводившего мнение о более «либеральном» отношении к канонам и необходимости соучастия в органах высшей церковной власти мирян, противником идеи восстановления Патриаршества. Констатируя наличие в Русской Церкви «нравственного разъединения» между народом и духовенством, между епископатам и белым духовенством и видя в этом главную причину церковного индифферентизма общества, он считал необходимым отказ епископата от преимущественных прав на церковную власть и организацию такого порядка церковного управления, который сможет привести «хотя к некоторому нравственно-духовному объединению тех, кто делает церковные распоряжения и тех, кто их исполняет»³². На первое место должны быть поставлены духовные нужды народа, «этого самого тела Церкви, для которого и существует духовенство»³³.

Взгляды Кузнецова не встретили поддержки со стороны большинства представителей духовно-академической корпорации, участвовавших в работе Предсоборного присутствия. «Консерваторы» обвинили Кузнецова в неуважении к канонам, в приспособлении к господствующим настроениям общества. «Все должно направляться “во благое к созиданию” ближних (Рим. XV, 2), но не чрез приспособление к их уровню самой истины, а чрез охранение натурального достоинства ее, без чего она перестанет быть действительною... — возражал Глубоковский по поводу мнения Кузнецова о необходимости “народной рецепции” в отношении решений церковной власти. — В противном случае нетрудно попасть в партийный политический оппортунизм, гибельный для дела по самой своей приспособляемости, ибо, угождая одним, он раздражает других и вызывает взаимный раздор — при пассивном либо озлобленном подчинении»³⁴. Против проведения в Церкви «начал парламентаризма и народовластия» выступал также профессор церковного права Демидовского лицея Н. С. Суворов³⁵. Старейший профессор Киевской Духовной академии С. Т. Голубев усмотрел в выступлении Кузнецова влияние на интеллигенцию «протестантствующего» направления, усилившееся в последние годы вследствие «увлечения протестантскою наукой»³⁶.

Ответ на главный вопрос, почему воспитаннику и профессору МДА, ученику двух ведущих канонистов — Н. А. Заозерского и А. С. Павлова, — 18 лет преподававшему в МДА и готовившемуся к занятию кафедры церковного права, был предпочтен кандидат «со стороны», явно не отличавшийся ни большей «благонадежностью» во взглядах, ни более солидной научной подготовкой,

следует, возможно, искать в принадлежности Кузнецова и Громогласова к различным церковным «партиям».

Громогласов был одним из лидеров кружка, образовавшегося весной 1905 г. при «Обществе любителей духовного просвещения». Из профессоров МДА активное участие в кружке принимал А. И. Покровский (уволненный из академии после ревизии 1908 г.). В декабре 1905 г. кружок «в административном порядке» прекратил свое существование. Члены его вошли в церковную секцию «Союза 17 октября», образовав так называемую Внепартийную церковную комиссию, или Комиссию по церковным и вероисповедным вопросам при «Союзе 17 октября», под председательством протоиерея Н. Добронравова³⁷. Результатом работы Комиссии стал сборник «К церковному Собору» (М., 1906), для авторов которого было характерно отрицательное отношение к восстановлению Патриаршества и к решениям Предсоборного присутствия о составе Собора. Члены Внепартийной комиссии приняли участие и в разработке программы кадетской партии по вопросу об отношении к Церкви. В начале 1907 г. члены Комиссии пытались создать свое отделение в Петербурге, но столичное духовенство не поддержало эту идею³⁸. Уже после увольнения из МДА Громогласов вошел в образованную при Московском юридическом обществе Церковную комиссию, первое заседание которой состоялось 31 октября 1911 г.³⁹ По-видимому, именно эту «политическую» деятельность ставили в вину Громогласову. Выступая против него в совете МДА, С. С. Глаголев говорил: «Я только вижу, что он крайне непрактичный делец. Он хочет бороться с недостатками и неумением лиц одинаковой с ним веры при помощи людей, враждебных этой самой вере»⁴⁰.

Соперник Громогласова Кузнецов принадлежал к Новоселовскому, или Самаринскому, кружку. Это был круг людей, собиравшихся еще с 1901 г. на квартире Л. А. Тихомирова для обсуждения вопроса о Патриаршестве. С начала 1900-х гг. на страницах «Богословского вестника» печатались статьи Л. А. Тихомирова, Н. Д. Кузнецова, Н. П. Аксакова и других членов кружка⁴¹. Со стороны представителей академической корпорации отношение к этому кружку было неоднозначным. Профессор МДА И. Д. Андреев писал Глубоковскому в апреле 1905 г., что часть его коллег по академии сначала примкнула к Новоселовскому кружку, но, «поскольку кружок состоит из лиц подозрительных, то товарищи отстали. Теперь у нас образовался свой кружок, который деятельно работает и готовит программу нормального канонического строя церковного правления»⁴². Кроме Андреева в кружок, по-видимому, входили Н. А. Заозерский, П. В. Тихомиров, Н. Ф. Каптерев, В. Н. Мышцын, И. В. Попов и И. М. Громогласов. Участники Самаринского кружка к 1907 г. организационно оформились в «Кружок ищущих христианского просвещения», или «Кружок взаимопомощи в целях христианского просвещения». Членами-учредителями кружка были М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, В. А. Кожевников, П. Б. Мансуров. В него входили также: кн. Е. Н. Трубецкой, священник П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Л. А. Тихомиров, В. П. Свенцицкий, Н. Д. Кузнецов, С. Н. Дурылин и др. К этому кружку присоединился и ректор Московской Духовной академии епископ Феодор. Члены кружка за-

частую критически относились к деятельности Синода и епископата, а также к «школьному» богословию, зараженному, по их мнению, протестантским рационализмом⁴³.

Борьба вокруг замещения кафедры церковного права в МДА обнаружила раскол внутри академических корпораций и отсутствие единства среди иерархии. Под воздействием «освободительного» движения в России формировались церковные «партии»⁴⁴.

«Громогласовская история», вызвавшая в свое время сильный общественный резонанс, нашла отражение в переписке членов духовно-академической корпорации, ценном и пока еще мало востребованном источнике. В публикуемых ниже письмах И. М. Громогласова профессору СПбДА Н. Н. Глубоковскому и письмах Н. Д. Кузнецова профессору КазДА И. С. Бердникову, а также в переписке Бердникова и Глубоковского эта история получает освещение изнутри.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 797, оп. 96. I отд. 2 ст., № 223, л. 59 об., 60 (Отчет о ревизии в СПбДА).
- ² Деление на «правых» и «левых» в академической корпорации довольно условно. Хотя оно имело некоторый политический оттенок, но полностью им не исчерпывалось, будучи намного сложнее.
- ³ См.: *Богданова Т. А.* И. И. Глубоковский и его воспоминания о Московской Духовной академии «За тридцать лет» // Исторические записки. М., 2006. С. 383–418.
- ⁴ Как пример можно указать статьи известного публициста М. О. Меньшикова на страницах «Нового времени» в 1909–1911 гг.
- ⁵ Некоторые материалы, связанные с увольнением И. М. Громогласова и выборами Н. Д. Кузнецова, а также биографические данные о них см.: *Голубцов С.* Стратилаты академические. М., 1999. С. 125–153, 218–266; *его же.* Московская Духовная академия в революционную эпоху. М., 1999. С. 45–51, 74–79; *его же.* Московская Духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999. С. 35–38, 56–57.
- ⁶ Илия (Громогласов; 1869–1937), сщмч., в 1999 г. канонизирован как местночтимый святой Тверской епархии, причислен к лику святых исповедников и новомучеников российских в 2000 г. для общецерковного почитания.
- ⁷ Журналы собраний совета МДА (далее — Журналы...) за 1910 год. Сергиев Посад, 1911. С. 428–449. К сожалению, ввиду закрытия РГИА недоступны документы, отложившиеся в архиве Канцелярии Священного Синода (ф. 796, оп. 191, д. 16). Некоторые из них приводятся в книге: *Голубцов С.* Московская Духовная академия в революционную эпоху. С. 45–51.
- ⁸ Журналы... за 1910 год. С. 434.
- ⁹ *Тихомиров П. В.* В Московской Духовной академии (Письмо в редакцию) // Голос Москвы. 1911. № 2, 4 января. С. 5.
- ¹⁰ Журналы... за 1910 год. С. 445.
- ¹¹ Журналы... за 1911 год. С. 147–148; *Голубцов С.* Московская Духовная академия в революционную эпоху. С. 46.
- ¹² Журналы... за 1911 год. С. 148, 92.
- ¹³ Там же. С. 149.
- ¹⁴ Там же. С. 93.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Московский еженедельник. 1906. № 5, а также Журналы... за 1910 год. С. 479–488.
- ¹⁷ Московские ведомости. 1910. № 291, 17 (30) декабря. С. 2.
- ¹⁸ *Голубцов С.* Московская Духовная академия в революционную эпоху. С. 48–49.
- ¹⁹ Там же. С. 48.
- ²⁰ Голос Москвы. 1911. № 2, 4 января. С. 5.
- ²¹ Журналы... за 1911 год. С. 94, 95.
- ²² Там же. С. 95.
- ²³ Увольнение проф. И. М. Громогласова // Русское слово. 1911. № 70, 27 марта. С. 7; Журналы... за 1911 год. С. 95.
- ²⁴ Журналы... за 1911 год. С. 149.
- ²⁵ Там же. С. 148–149.
- ²⁶ Там же. С. 149–150.
- ²⁷ Замещение кафедры церковного права // Русское слово. 1911. № 112, 17 (30) мая. С. 7. Ст. 6–7. Без подписи.
- ²⁸ Цит. по: Голос Москвы. 1911. № 120, 27 мая. С. 3.
- ²⁹ Замещение кафедры в духовной академии // Там же. С. 3. Без подписи.
- ³⁰ См. ниже письмо Н. Д. Кузнецова И. С. Бердникову № 13.
- ³¹ Журналы... за 1913 год. Сергиев Посад, 1914. С. 483.
- ³² Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 1. СПб., 1906. С. 206. По мнению Кузнецова, «русские епископы в большинстве случаев представляются духовенству и народу чем-то вроде духовных губернаторов» (С. 138–139).
- ³³ Там же. С. 139. Выступления Кузнецова опубликованы в его сборнике «По вопросам церковных преобразований» (М., 1907).
- ³⁴ Там же. С. 157–158. Выступление Н. Н. Глубоковского.
- ³⁵ Там же. С. 217.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Церковный вестник. 1906. № 15, 13 апреля. Ст. 470; Московский еженедельник. 1906. № 4. С. 116.
- ³⁸ Столичное духовенство на собрании у октябристов // Колокол. 1907. № 228, 11 января. С. 2–3; № 229, 12 января.
- ³⁹ Церковная комиссия // Русское слово. 1911. № 251, 1 (14) ноября. С. 6. Из бывших профессоров МДА в нее вошли Н. А. Заозерский и А. И. Покровский.
- ⁴⁰ Журналы... за 1910 год. С. 436.
- ⁴¹ См. также: Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 18, 20.
- ⁴² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), ф. 194, оп. 1, № 756, л. 6 об. Вероятно, речь идет о кружке, организованном весной 1905 г. при «Обществе любителей духовного просвещения».
- ⁴³ Об этом кружке см.: Архив священника Павла Флоренского. Вып 2: Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск, 1998. С. 19–24.
- ⁴⁴ А. В. Карташев, указывая на образование церковных партий, признавал их полезным явлением и находил им аналогии в истории (см.: *Карташев А.* О партиях в Церкви // Московские ведомости. 1911. № 276, 1(14) декабря. С. 2).

Письма И. М. Громогласова Н. Н. Глубоковскому

В архиве Глубоковского (ОР РНБ, ф. 194, оп. 1. № 421) сохранилось 21 письмо И. М. Громогласова. Переписка началась по инициативе Глубоковского, осенью 1904 г. утвержденного редактором «Православной богословской энциклопедии» (ПБЭ) и обратившегося к Громогласову с предложением написать для «Энциклопедии» ряд статей. Значительная часть переписки посвящена обсуждению вопросов, связанных с этими статьями. Первоначально деловая, она приобретала с годами более доверительный и дружеский тон. 21 ноября 1908 г. Громогласов обратился к Глубоковскому за поддержкой и советом ввиду сложностей, возникших с утверждением его в степени магистра.

23 октября 1908 г. совет МДА единогласно присудил Громогласову степень магистра богословия за сочинение «Определение брака в Кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского брака заключения» (М., 1908)¹. Однако ревизовавший в это время МДА архиепископ Димитрий (Ковальницкий) указал в своем отчете на нарушение академического устава, допущенное во время магистерского коллоквиума: вторым официальным рецензентом Громогласова выступал проф. И. Д. Андреев, к тому времени уже покинувший МДА и ставший экстраординарным профессором Петербургского университета. И хотя формально еще действовали «Временные правила» 1906 г., согласно которым окончательное присуждение ученых степеней находилось в ведении академических советов, их скорая отмена была для всех очевидна. В этих условиях ревизор требовал отменить решение совета МДА о присуждении Громогласову степени магистра. Был назначен рецензент от Синода — архиепископ Антоний (Храповицкий). Указав на недостатки диссертации, он тем не менее вынес заключение о возможности присуждения магистерской степени, но в довольно язвительной форме. Вопреки обычной практике отзыв синодального рецензента был опубликован в журнале «Миссионерское обозрение» (1909. № 2. С. 302–306)² и весьма чувствительно задел Громогласова. «Издательство преосвященного рецензента», о котором упоминает Громогласов в письме Глубоковскому, направлено было не столько против него самого, сколько против академических корпораций, с которыми владыка Антоний активно боролся начиная с 1905 г., всячески доказывая нецерковное направление и научную несостоятельность преподавателей духовных академий. 29 января 1909 г. Синод утвердил Громогласова в степени магистра богословия, 2 апреля он был назначен доцентом.

О возможности своего неутверждения на кафедру церковного права Громогласов писал Глубоковскому более чем за год, в письме от 31 июля 1909 г. Глубоковский принял в деле Громогласова самое непосредственное участие, о чем свидетельствуют публикуемые ниже письма и признание Громогласова, что ни в ком он «не встретил более живого сочувствия и *более деятельной помощи*» [выделено мной. — Т. Б.], чем в Глубоковском. Личное знакомство Глубоковского с обер-прокурором Лукьяновым и митрополитом Антонием

(Вадковским) и расположенность двух последних лиц к Глубоковскому допускают предположение о возможном ходатайстве его за Громогласова.

Вполне вероятно, что и маленькая заметка в «Новом времени», которая приводилась выше, появилась также не без ведома/участия Глубоковского. В конце декабря 1910 г. В. В. Розанов писал ему: «Хотелось бы мне, если будут силы и время, написать почти *more geometrico* [геометрическим способом (лат.) — Т. Б.], без всякой публицистики, статью против Громогласова, именно против 1-й его страницы «Определение брака в Кормчей» [здесь и далее подчеркнуто автором письма. — Т. Б.], — но не знаю, где поместить? В «Бог[ословском] вестн[ике]» редактор Заозерский не примет... Сухое научное рассуждение. Может, укажете куда?»³. 30 декабря, в день получения письма, Глубоковский отвечал Розанову: «Насчет Громогласова пока просил бы повременить. Именно теперь затеяли против него злостный поход и в Синоде официально поставлен вопрос об увольнении его с академии и о лишении профессорского звания. Дело находится в почти роковом для него положении и решится окончательно в январе 1911 года. Теперь надо не нападать на него, а защищать, — и это было бы задачей благородной и праведной, ибо идут на него, Громогласова, темные интриги. Когда вся эта беда кончится в ту или другую сторону, хорошо [бы] Вам напечатать в «Богословском вестнике», но я уверен, что Громогласов гораздо ближе к Вам по воззрениям, чем Вы думаете. Если бы ему удалось издать 2-й том, Вы сами убедились бы в этом. Итак, пока погодите, а потом ратуйте»⁴.

Глубоковский и Громогласов впоследствии также продолжали обмениваться письмами. Громогласов сообщал об основных событиях своей жизни. Так, 5 декабря 1916 г. он писал: «Возвращение к занятиям церковным правом для меня большая радость, а полученная возможность преподавать эту науку — исполнение заветной моей мечты со времен студенчества. Порадуются Вы за меня или нет, во всяком случае примите уверение в моем неизменном уважении к Вам»⁵. 25 мая 1917 г. Громогласов был восстановлен в звании сверхштатного экстраординарного профессора МДА. Читал лекции осенью 1918 г., 21 апреля/4 мая (после смерти Алмазова) избран штатным профессором. Последнее из сохранившихся в архиве Глубоковского писем Громогласова датировано 7/20 мая 1918 г.⁶

В публикуемых 6 письмах, непосредственно относящихся к вопросу о замещении кафедры церковного права (ОР РНБ, ф. 194, оп. 1, № 421, л. 22–31 об., 38–40), в угловых скобках < > приведены пометы Глубоковского о получении писем.

№ 1

<Железноводск, Терской области, казенная гостиница, № 35. 1909, VIII, 4 — вторник. Н. Глубоковский>

31/VII. 1909

Высокопочтимый Николай Никанорович!

До глубины души тронут я Вашим приветствием в день моих именин и Вашим вторым письмом по поводу беседы с А. А. Спасским⁷. На первое

я не мог отозваться немедленно по незнанию Вашего точного адреса; теперь рад возможности высказать Вам мою сердечную признательность за Ваше неизменно доброе отношение ко мне, за которое я счастлив бы достойно воздать Вам не словами только, а делом, если бы судьба дала мне к этому случай. Но это было бы только иллюстрацией басни о мыши и льве, запутавшемся в сетях охотника. Избави Вас Бог от всякой «сети ловчи»!

Известие, переданное Вам Ан[атолием] Ал[ексееви]чем, не совсем точно. Издевательство Высокопреосв[ященного] рецензента тяжело поразило меня, и мне нелегко было примириться с мыслью о безнаказанности этого издеательства. Но дело пошло дальше. Донос о «коммерческом пансионе» в конце отзыва имел и практическое действие⁸. 29 июня я получил офиц[иальное] уведомление, что указом Св. Синода [sic! — Т. Б.] мне предложено немедленно оставить занятия в других учебных заведениях⁹, и вместе с тем предписано «обязать» меня «более серьезно относиться к преподаваемой науке» в академии. Нужно Вам сказать, что с основанными мною двумя коммерческими учебн[ыми] заведениями я 2 1/2 года тому назад покончил, передав их другим лицам, и только уже после отзыва Пр[еосвященного] Антония принял на себя, с разрешения своего начальства, должность инспектора классов в Мар[иинском] институте, не требующую большой затраты времени, но важную для меня материально, по крайней мере до тех пор, пока я получу экстраординатуру.

А ведь меня три раза выдвигал совет, и каждый раз вопрос снимался с очереди по требованию ректора, ссылавшегося на какое-то предписание, известное ему одному! А что касается «более серьезного занятия» акад[емической] наукой, то, во 1-х, я и доселе не был шутом на акад[емической] кафедре, хотя и преподавал не тот предмет, к которому тяготеют мои научные интересы, а во 2-х, должен прямо сказать, что от этих интересов в пользу разработки расколоведения я не в силах отказаться и на будущее время. Оставленный по окончании курса при кафедре церк[овного] права, я пронес любовь к этой именно науке чрез 16 лет официальных занятий в другой области и до недавнего времени считал себя и считался всеми в академии естественным премником Н. А. Заозерского. Теперь и об этом у нас, кажется, начинают говорить довольно двусмысленно, а под рукою передают о намерении митрополита Владимира ни в каком случае не допускать перехода моего на новую кафедру. Итак, на своей кафедре я настолько плох, что заслужил грубое замечание, даже необходимость особливо «обязать» меня заниматься более серьезно, а та, к которой я 16 лет готовился и, думаю, достаточно готов, для меня закрыта... во имя чего? Не ясно ли, что я пришелся не ко двору и что «насильно мил не будешь»?

Мне нет надобности уверять Вас, глубокоуважаемый Николай Никанорович, что я люблю вскормившую меня дух[овную] школу и готов служить ей, насколько по силе своего разумения могу быть ей полезным. Но есть предел человеческому терпению, и есть милостивое слово Господа Своим ученикам: если гонят Вас из одного города, идите в другой...

Примите мое искреннее пожелание Вам доброго здоровья и всяких благ.
Преданный Вам И. Громогласов.

№ 2

Москва, 31 дек[абря] 1909 г.

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

За полчаса до наступления Нового года мысленно обращаясь к Вам, в чьем добром расположении ко мне я имел так много случаев убедиться, шлю Вам сердечнейший свой привет и искреннейшие благожелания. Усердно поздравляю Вас с избранием в Академию наук — честью, давно Вами заслуженною¹⁰.

И я незадолго до окончания учебного полугодия удостоен, наконец, избрания — в экстраординарные профессора академии. Горький опыт убедил меня, правда, что от решения акад[емического] совета до синодского утверждения часто дистанция бывает весьма не краткая, но... все же приятно¹¹. Хотя, должен признаться, приятно далеко не так, как было бы год тому назад. Переживая много скорбей, я стал почти равнодушным к своим академическим радостям.

Получил на днях книжку «Визант[ийского] временника» и в ней рецензию Гидулянова¹². Я ее знал уже год тому назад и теперь прочел почти равнодушно. Поразило меня только одно отклонение от рукописи: в ней, писанной еще при жизни Суворова¹³, обруган как плагиатор покойный А. С. Павлов¹⁴, а в печатном тексте, прокорректированном уже по смерти Суворова, рецензент усиленно приписывает себя в de-duxі Павлова... Sapienti sat! [умному достаточно (лат.)]. — Т. Б.] Ретивому рецензенту предполагаю дать урок скромности и литературной порядочности.

Перед Вами я в стыде велием из-за «книг церковных». Явно, что я должен их написать. Укажите теперь последний крайний срок¹⁵.

Еще раз покорнейше прошу принять выражение моих благожеланий и неизменной Вам преданности.

Ваш покорный слуга И. Громогласов.

№ 3

17. X. 1910.

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Безгранично благодарный Вам за Вашу отзывчивость и участие к моей судьбе, спешу сообщить Вам сведения о том довольно неожиданном обороте, какой получило дело о перемещении моем на кафедру церк[овного] права. Вопрос о замещении этой кафедры впервые поставлен был в заседании совета 6 окт[ября] вместе с вопросом еще о шести освобождающихся или вновь открываемых кафедрах¹⁶. Когда, покончив с этими шестью, приступили к церковному праву, Н. А. Заозерский прочитал свой письменный доклад¹⁷, в котором указал на меня как на единственно желательного заместителя своего, мотивируя это указанием на мою подготовленность к преподаванию церк[овного] права отличным знакомством с каноническими памятниками и с самой системой церк[овного] права, изученной мною под руководством А. С. Павлова, курс которого мною именно и был издан¹⁸, на мои печатные работы по церк[овному] праву, на то, что мои занятия по кафедре истории и обличения раскола заставляли меня иметь дело, между проч[им], с источниками церк[овного] права, наконец, на мои преподавательские качества, на исключительную,

по словам докладчика, способность свободным живым словом излагать научные сведения с акад[емической] кафедры. После доклада Н. А. Заозерского¹⁹ я заявил совету о своем желании перейти на кафедру церк[овного] права²⁰, при которой я и был именно оставлен стипендиатом, к замещению которой подготовлялся слушанием университетских лекций по юридич[еским] наукам, соприкосновенным с правом церковным, и указал на свои печатные работы, свидетельствующие о неоскудевавшем за все время с окончания мною акад[емического] курса интересе к церк[овному] праву. После этого я оставил заседание, предполагая, что мое дальнейшее присутствие в нем излишне.

По уходе моем Преосв[ященный] ректор прочитал свою рекомендацию на ту же кафедру присяжн[ого] поверенного Н. Д. Кузнецова²¹, указав на его двойную подготовку — богословскую и юридическую — и на то, что со стороны своей благонадежности г[осподин] Кузнецов уже апробирован Св. Синодом, удостоившим его приглашения к занятиям Предсоборной комиссии²². Затем начался энергичный штурм моей кандидатуры как Преосв[ященным] ректором, так и — особенно — А. И. Введенским и С. С. Глаголевым²³, которые указывали а) на продолжительность моего пребывания на кафедре истории раскола и б) на непригодность к замещению кафедры церк[овного] права, доказанную неодобрительными отзывами о моей диссертации проф[ессора] Гидулянова и архиеп[ископа] Антония.

В конце очень затянувшегося заседания преосв[ященный] Феодор извлек № 5 «Моск[овского] еженедельника» за 1906 г. и обратил внимание совета на напечатанную там статью мою (публичную лекцию): «Наше общественно-политическое обновление и современные задачи Церкви»²⁴. По мнению преосвященного, статья эта настолько ясно свидетельствует о моей неблагонадежности, что способна бросить тень на благонадежность даже тех членов совета, которые решатся подать голос за мое перемещение на кафедру церк[овного] права. В конце концов голосования не состоялось, оно было перенесено на заседание 13 октября.

В описанном заседании некоторые выпады по моему адресу были настолько беззастенчиво непристойные, что мои коллеги из числа сочувствующих мне настоятельно потребовали, чтобы я не уклонялся от присутствия в новом заседании совета при обсуждении моей кандидатуры. Я так и поступил.

Мое присутствие в советском заседании 13 октября несколько не повлияло, однако, на тон и характер выступлений моих противников. В заседании снова была прочитана рекомендация Н. А. Заозерского, который, отвечая на заявления, сделанные в предыдущем заседании и подрывавшие его компетенцию ссылкой на отзывы проф[ессора] Гидулянова и арх[иепископа] Антония, указал на отзыв о моей книге еп[ископа] Никодима (Милаша) и потребовал, чтобы отзыв был заслушан и занесен в журнал заседания²⁵. В ответ на это мои оппоненты потребовали занесения в журнал отзывов Гидулянова и Антония, а сверх того Преосв[ященный] ректор предложил заслушать и присоединить к журналу и вышеупомянутую статью, свидетельствующую о моей неблагонадежности. Статья была прочитана. Прочитаны были также два письменных заявления: а) ректора с А. И. Введенским и б) С. С. Глаголева²⁶. Первое из этих

заявлений, повторив указание на то, что мне поздно переходить на новую кафедру и что обо мне даны неблагоприятные отзывы, особенно подчеркивало ту мысль, что в моем лице на кафедру церк[овного] права вступил бы профессор с «вполне сложившимися взглядами» и что взгляды эти неблагоприятны. Второе заявление, чрезвычайно непристойное по тону, доказывало, что я талантливый бездельник, от которого решительно ничего нельзя ожидать для науки.

После обмена мнений между членами совета я попросил слова и сказал приблизительно следующее: «Я не буду полемизировать с противниками моей кандидатуры, но считаю не излишним пояснить некоторые основания моих притязаний на кафедру церк[овного] права, указанные в моем первом заявлении. Я был оставлен стипендиатом при кафедре церк[овного] права и к этой именно кафедре готовился с согласия совета в университете. Преподавая историю и обличение раскола, я не мог порвать связей с церк[овным] правом между проч[им] потому, что важнейший вопрос противораск[ольничьей] полемики — вопрос о Белокрин[ицкой] иерархии²⁷ — есть вопрос канонический; я издал курс церк[овного] права проф[ессора] Павлова и напечатал несколько работ по церк[овному] праву²⁸, и между ними есть такие, которые отмечены западной научной критикой, вообще не щедрой на похвалы русским ученым; я написал диссертацию по церк[овному] праву, которая в свое время была одобрена советом, и меня поражает, что теперь, по поводу сторонних отзывов, совет призывают чуть ли не к пересмотру дела о присуждении мне ученой степени». В заключение, по поводу указаний на мою публицистическую статью, я заявил, что своей публицистикой я всегда служил искренно Божьему делу, и если мои противники считают мои взгляды противными интересам Церкви, то, с моей точки зрения, вредят церковному делу те, кто мнят себя его защитниками в данном случае. Не буду передавать рассуждений о другом кандидате, о котором его защитники, оказалось, не имели достаточных сведений касательно окончания им высшей дух[овной] школы²⁹. Ректор уверял, впрочем, что г[осподин] Кузнецов имеет настолько солидную богосл[овскую] подготовку, что Петерб[ургская] академия приглашала его на кафедру церк[овного] права, но он отказался³⁰.

Последовавшее голосование дало след[ующие] результаты: за Кузнецова — 8 (ректор, Шостьин, Введенский А., Глаголев, Спасский, Соболевский, Введенский Д., Орлов), против — 7 (Беляев, Заозерский, Голубцов, Соколов, Попов, Богословский, Смирнов); за меня — 8 (Беляев, Заозерский, Голубцов, Соколов, Попов, Богословский, Смирнов, Орлов), против — 7 (ректор, Шостьин, Введенские А. и Д., Глаголев, Спасский, Соболевский). Результат голосования будет представлен на усмотрение Синода с присоединением мнения ректора, Введенского и Глаголева, что избранным нужно считать Кузнецова.

Вот подробный отчет о происшедшем. Что Вы скажете и что посоветуете ввиду всего вышеизложенного?

Преданный Вам И. Громогласов.

Р. S. Я был бы очень признателен Вам за сообщение сведений о г[осподине] Кузнецове и кандидатуре его на кафедру церк[овного] права в Петерб[ургской] акад[емии]. И. Гр[омогласов].

№ 4

<1911, IV, 10 — Пасха. Н. Глубоковский>

8/IV. 1911

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Примите мое и моей жены сердечное приветствие и поздравление с наступающим праздником Воскресения Христова.

Не очень радостно встречаем мы на этот раз великий праздник. Не могу сказать, чтобы очень угнетающе подействовала на меня официальная весть о предложении мне подать прошение об отставке, полученное мною в самый день Благовещения. К такому решению моего дела я был уже достаточно подготовлен. Но меня и удивила, и обидела мелкая мстительность, проявленная моими торжествующими врагами. На указе синодском м[итрополит] Владимир положил резолюцию, чтобы прошение было подано мною в двухнедельный срок, а ректор, извещая меня об указе, присоединил уведомление, что он теперь же освобождает меня от чтения лекций... это за неделю до нормального их окончания и после 18-летней акад[емической] службы. «Освобожден» я также от производства экзамена и от чтения кандидатских сочинений. Что это, как не непристойное усилие всячески дать почувствовать торжество побежденному противнику?

Считаю это настолько обидным и омерзительным, что не нахожу возможным возбуждать ходатайства о пенсии, хотя ректор в разговоре по собственному почину дал мне понять, что таковое ходатайство не встретило бы противодействия «в верхах». Но ведь еще ранее «верхов» оно должно пройти чрез правление, т. е. пред торжествующим блоком [господ] Введенского и Глаголева, а им я не хочу и не могу дать право «великодушием» ко мне хотя бы частично заглазить свою подлость. Пусть торжествуют сполна до тех пор, когда и для них наступит день суда и воздания.

Как ни печально кончилась для меня вся эта история, думая о ней, я нахожу и великую отраду в том сочувствии и поддержке, какую нашел в людях, мною уважаемых. И — повторю ранее сказанное — ни в ком я не встретил более живого сочувствия и более деятельной помощи, чем в Вас, глубокоуважаемый Николай Никанорович, и потому потребностью моей души является принести Вам теперь за все добро, явленное мне, мою искреннюю и глубокую благодарность.

Преданный Вам И. Громогласов.

№ 5

<1917, III, 27 — Понедельник Страстной недели. Н. Глубоковский>

24/III. 1917

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Очень благодарю Вас за добрую память обо мне, выразившуюся в присылке речи «Православное русск[ое] белое духовенство по его положению и значению в истории»³¹, и очень прошу извинить мне чрезмерное запоздание как с выражением этой благодарности, так и с ответом на Ваше письмо-открытку от 17 февр[аля] с/г. Совершенная исключительность пережитых за

последний месяц событий в жизни государственной и церковной, с глубоким по моим интересам и темпераменту [по-видимому, пропущено слово.— Т. Б.], захватила этими событиями, я надеюсь, хотя частично оправдают меня пред Вами.

В церковной нашей жизни событием чрезвычайной важности является только что закончившийся Моск[овский] епархиальный съезд, на котором и мне выпало на долю принять некоторое участие. Собран он был несколько поспешно, без достаточной подготовки, и потому сам в значит[ельной] степени должен был получить характер подготовительного. При всем том самый факт его созыва в необычном составе, да и некоторые постановления, на мой взгляд, в высшей степени важны и значительны.

Из предложения Вашего мне — написать заметку о Н. Д. Кузнецове для «Богосл[овской] энцикл[опедии]» — я усматриваю, что последняя воскресла под Вашим руководством³². От души радуюсь возрождению этого в высшей степени ценного и полезного богословско-научного издания, что же касается названной заметки, то — да минует меня чаша сия. Я откровенно должен сказать, что — и независимо от происшедшего в 1910–11 гг. конфликта — я имею достаточно оснований считать г[осподина] К[узнецова] прохвостом в отношении научном и общественном. Отражающая такую его оценку заметка, конечно, не пригодна для «Энциклопедии», а усиливаясь преодолеть такой взгляд, я неизбежно впал бы в противоположную ему тенденцию — приписать небывалые достоинства и заслуги г[осподи]ну К[узнецову] из-за одного, так сказать, рыцарства в отношении к своему далеко не рыцарственному бывшему конкуренту. Вот причина моего отказа, который Вы извините мне, приняв одновременно выражение моей полной готовности исполнить всякое другое Ваше поручение.

Пользуюсь случаем заранее приветствовать Вас с приближающимся Светлым праздником Воскресения и от души пожелать Вам всего хорошего.

Преданный вам И. Громогласов.

№ 6

<1917, IV, 15 — суббота. Н. Глубоковский>

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Получив присланный № газеты³³, спешу поблагодарить Вас за этот новый знак Вашей внимательности и участия ко мне. Вспоминаю Ваши слова бодрой веры «в суд и воздание, которые поразят врагов правды за их коварство» (1911, V, 10), повторяю с Вами: «Суди их, Боже, да отпадут от мыслей своих».

Вас искренно уважающий и Вам преданный И. Громогласов.

Письма Н. Н. Глубоковского И. С. Бердникову

В фонде КазДА, хранящемся в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ), имеется несколько переплетенных томов с письмами, адресованными Илье Степановичу Бердникову. Из писем Глубоковского сохранилось 5; 2 из них, публикуемые ниже, связаны с историей Громогласова—Кузнецова (ф. 10, оп. 5, № 1105, л. 153–154 об., 152).

№ 1

Досточтимый Илья Степанович!

Пред постом время мне каяться за грех долгого молчания. Сознал всегда, но дела и обстоятельства здесь таковы, что иногда прямо разрываешься на части. Время как будто проходит в безделье, а взяться за перо некогда. Да, по совести сказать, и новостей нет, особенно важных. Чем дальше, тем больше сказывается тягота нового академического устава. Он требует и поглощает массу усилий и труда, оставляя мало свободы для собственных занятий, а фактические результаты чуть не совершенно обратные. Если иногда и достигаются некоторые успехи, то они всегда единичны и не находят поддержки в согласном взаимодействии. Последнее решительно затрудняется введением мелочного обособления, при котором все идет врознь и никак не могут объединиться, даже при явной необходимости. Напр[имер], для всех здесь доселе неясно, кому и как давать и читать кандидатские и семестровые сочинения, когда некоторые профессора имеют всего лишь по 2 слушателя...

При таких тягостных условиях тем обязательнее для нас прозрачность во всех академических взаимоотношениях. Во имя сего я продолжаю быть несогласным с Вами с порядком проведения у Вас диссертации арх[имандрита] Феофана³⁴. Еще более смущают меня слухи о деле Н. Д. Кузнецова по связи с осложнениями в Московской Дух[овной] академии. Эти осложнения я считаю злостными, вызванными дурным политиканством начальственных властей с приспешниками, — вопреки академическим интересам. И вот под эту шумиху хочет проскочить в нашу среду г[осподин] К[узнецов], да еще не ради посвящения себя профессуре, а для карьеры, чтобы при первом удобном случае перемахнуть дальше. Помогать как-либо таким замыслам и предприятиям, по моему мнению, совсем не удобно, тем более что 1) этот чужак научно ничуть не правоспособнее (resp. менее правоспособен) академического кандидата и 2) вообще малонадежен и, судя по Предсоборному присутствию, весьма может держать нос по ветру... Надо подумать и о том, как бы не пустить нам нового А. Волинского³⁵... Все это право меня смущает.

Остальное бытие мое обычно, и здоровье по зиме не так беспокоит. Недавно вопреки своему желанию, но по воле митрополита³⁶ и прокурора³⁷ сделан я членом Училищного совета³⁸, хотя не знаю, на сколько и надолго ли справлюсь. А о Вас ходит слух, что желали бы привлечь в качестве канонического советника Синода, но что-то доселе дело не выясняется. Здоровье митрополита неважно, но не безнадежно, и он дважды председательствовал в Синоде. А. А. Дмитриевский с осени, кажется, хочет возвратиться в Киевскую академию на кафедру греческого языка³⁹. С ректором новым⁴⁰ живем мирно, но совершенно особняком, встречаясь лишь официально и при официальных случаях.

Как и что у Вас нового и хорошего. А[нна] В[асильевна] кланяется. Всяких Вам благ. Сердечный мой привет Мих[аилу] Ивановичу⁴¹.

Ваш Н. Глубоковский.

Сердечно приветствую дорогого Илью Степановича и я, А. Бронзов. Желаю здоровья и благополучия⁴².

13 ф[евраля] 1911.

№ 2

Досточтимый Илья Степанович!

Сердечно благодарю и пока вношу лишь след[ующие] поправки. 1) Я назначен в Училищный совет, а не в Учебн[ый] комитет. И 2) Н. Д. К[узнецов] имеет от нашей академии з по каноническому праву и, кажется, сочинение писал по пастырскому богословию⁴³... 3) Никогда не было, чтобы наша академия его приглашала, а он отказывался; напротив, дважды ставили его кандидатуру и дважды проваливали. 4) Насчет магистерства он добивался у нас, у Н. С. Суворова и у М. Е. Красножена⁴⁴, но везде получал отказ. 5) Давно он всячески добивается профессуры и воспользовался теперь не очень благовидным случаем, но вовсе не для профессорских целей и отказываться не думает. 6) Ваше признание более всех поможет, что войдет этот чужак и вытеснит своего. 7) Для меня будет последним знаменем, что Вы увенчаете магистерством нашего предсоборного врага [sic! — Т. Б.]. А что за история с Жузе⁴⁵, о котором я дважды писал Вашему Мамаю⁴⁶?

Ваш Н. Глубоковский.

1911. II. 20.

Письмо И. С. Бердникова Н. Н. Глубоковскому

Переписка двух выдающихся представителей русской богословской науки — профессора по кафедре Священного Писания Нового Завета СПбДА Н. Н. Глубоковского и профессора по кафедре церковного права КазДА И. С. Бердникова — завязалась в начале 1890-х гг., но относительно регулярной стала с 1904 г., когда Глубоковский принял на себя обязанности редактора ПБЭ. В архиве Глубоковского имеется 25 писем Бердникова за 1893–1913 гг. Из этих интересных и содержательных писем мы публикуем лишь одно, непосредственно касающееся рассматриваемого вопроса (ОР РНБ, ф. 194, оп. 1, № 329, л. 41–42 об.)⁴⁷.

Глубокоуважаемый Николай Никанорович!

Приношу Вам сердечную благодарность за Ваше письмо и за Ваши сообщения. Поздравляю Вас с новым назначением и радуюсь за наше учебное и ученое дело, ибо надеюсь, что Вы дадите ему новое надлежащее движение. Желал бы, чтобы еще человека два-три из академической корпорации поместились в Учебный комитет, тогда бы в нем могло быть составлено и особое ученое отделение.

Весьма жалею, что наши академические дела доставляют Вам работу и беспокойство. Впрочем, быть может, дела об ученых степенях обстоят у нас не так тревожно, как может казаться издали. Насчет дела Феофана можно прямо успокоиться, ибо рецензент нашел его сочинение неудовлетворительным. Значит, Феофану степени не получить. Дело Кузнецова пока еще в неопределенном положении. Но и оно не заключает в себе ничего тревожного, если не рассматривать его в связи с вопросом о замещении кафедры церковного права в Московской академии. А ставить его в необходимую связь с вопросом Московской академии нет необходимости. Заявление Кузнецова о желании

приобрести *степень магистра богословия*⁴⁸ получено у нас гораздо ранее, чем стали говорить и писать о замещении кафедры церк[овного] права⁴⁹. И я не знал, что Кузнецова приглашают из Моск[овской] акад[емии] на кафедру⁵⁰. Да и теперь решение вопроса о замещении кафедры не зависит от приобретения Кузнецовым степени магистра богословия. Если пожелают утвердить Кузнецова на кафедре, то утвердят и без степени, а если не пожелают, так и степень не поможет.

О видах и стремлениях Кузнецова я ничего не знаю. Насколько я понимаю характер г[осподина] Кузнецова, никак не думаю, чтобы акад[емическая] профессура представляла что-либо особенно привлекательное для него. Едва только обнаружили дрызги относительно выбора его на кафедру, как он тотчас же хотел снять свою кандидатуру, которую он выставил не особенно охотно. Припомните, что и на приглашение Вашей академии Кузнецов в свое время также ответил отказом. Быть может, и теперь он уже отказался, я давно не получал от него известия. В деле создания карьеры Кузнецова и Ваша академия не без вины. Ведь Вы дали Кузнецову звание магистранта богословия⁵¹.

Мы, казанцы, завидуем другим академиям — нигде так плохо не живется, как у нас. У нас ректор воюет направо, как Мамай. Он держит себя крайне бесцеремонно и деспотически. Против профессоров в отдельности и против всей корпорации откалывает такие безобразные выходки, что Вам и во сне не приснится видеть таковые. Подробности эти рассказывать было бы очень долго и невозможно всего [далее неразборчиво. — Т. Б.] описать. Упомяну лишь о себе. Он подпустил мне такую свинью, что я теперь с 1 янв[аря] до 15 авг[уста] не получаю и не буду получать за свои труды никакого вознаграждения. Новый наш владыка⁵² очень деликатится с нашим ректором. Но, кажется, уже начинает понимать, что это за штука — наш ректор. Мы были бы несказанно рады и благодарны тому, кто бы избавил нашу академию от такого тирана и нахала... Александру Александровичу Бронзову сердечное спасибо за его добрую память.

С глубочайшим уважением И. Бердников.

16 февр[аля] 1911 г.

Письма Н. Д. Кузнецова И. С. Бердникову

Судя по первому письму Кузнецова (от 17 апреля 1910 г.), переписка его с Бердниковым завязалась еще раньше. Она касалась обсуждения думского законопроекта о старообрядческих общинах и книги Кузнецова «Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства», вышедшей в Москве в апреле 1910 г. Кузнецов настойчиво просил Бердникова поместить отзыв на книгу и высказаться относительно законопроекта. Причем советовал сделать это на страницах «Московских ведомостей», поскольку «эту газету читают самые высшие правительственные сферы, и Ваш именно голос было бы полезно довести до их сведения»⁵³. 14 октября, на следующий день после состоявшегося голосования по поводу замещения кафедры церковного права в МДА, Кузнецов обращается к И. С. Бердникову с вопросом о возможности представить «Закон о старообрядческих общинах» в совет КазДА на

соискание степени магистра богословия. 29 ноября прошение Кузнецова было зачитано в совете КазДА. Официальным рецензентом от совета был назначен Бердников, вторым рецензентом ректор епископ Алексей (Дородницын) назначил экстраординарного профессора по кафедре русской гражданской истории священника Н. Н. Писарева. 4 июня 1911 г. оба рецензента представили отзывы, высоко оценив не только научное достоинство книги Кузнецова, но и актуальность и заслуги автора на церковно-общественном поприще⁵⁴. Магистерский коллоквиум состоялся 12 июня 1911 г. Кузнецову единогласно присудили степень магистра богословия, 12 августа он был утвержден указом Синода, отзыв от Синода представил 30 июля епископ Могилевский Стефан (Архангельский)⁵⁵.

Письма Кузнецова находятся в упоминаемых нами папках с перепиской И. С. Бердникова. Бумага разного формата. В правом верхнем углу на большинстве листов стоит штамп: «Присяжный поверенный Николай Дмитриевич Кузнецов. Москва, Неглинный пр., дом Ефремова, у Боровицких ворот».

Ниже публикуются 18 писем из 21 (НА РТ, ф. 10, № 1105, л. 132–133 об.; 125–126; 122–124 об.; 120–121 об.; 115–119; 112–114 об.; 110–112 об.; 108–109; 105–107 об.; 100–102 об.; 104–104 об. [Письмо Кузнецова С. М. Лукьянову]; 98–99 об.; 95–97 об.; 92–93 об.; 79–80 об.; 75–76 об.; 77–78; 70–74 об.; 66–69 об., 69а).

№ 1

17 апреля 1910 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Приветствую Вас с праздником Воскресения Христова. Посылаю только что вышедшую свою книгу о старообрядческом законе⁵⁶. Ввиду современной важности предмета пришлось написать чуть ли не целое исследование. Как увидите, особая комиссия Г[осударственного] Совета во многом согласилась со мной и пошла по более правильному пути. Но, по русскому обычаю, робко и колеблясь в сторону. Во всяком же случае и Г[осударственному] Совету, и правительству теперь придется считаться с новым направлением.

Одобряя мои соображения, Вы обещали со своей стороны написать что-либо по выходе моей книги. Если не затруднит, не откажите написать о ней отзыв и поговорить о законе. После Фоминой недели, в начале мая, закон будет рассматриваться в обоих собраниях Г[осударственного] Совета, а Ваш авторитетный голос был бы очень нужен.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 2

14 октября 1910 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Недавно при встрече в Петербурге с Михаилом Андреевичем Остроумовым⁵⁷ он задал мне вопрос: почему не представляю свою последнюю книгу «Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства» в академию для получения степени магистра? Сделать это мне советуют

и некоторые другие лица. Поэтому я решаюсь просить Вас сообщить, могу ли я обратиться с этой целью в Казанскую академию или, правильнее говоря, к Вам. Беспокоить этой просьбой именно Вас я вынужден потому, что Вы наиболее авторитетное лицо в академиях по церковному праву, которому, кроме того, близки интересы православной Церкви.

Вопрос, рассматриваемый в моей книге, выдвинут современными потребностями в области церковно-государственных отношений, и правильное разрешение их имеет важное общественное значение. В настоящее время уже достаточно выяснилось, что многие члены Госуд[арственного] Совета и Госуд[арственной] Думы склонны принять устанавливаемую в книге точку зрения для всего вероисповедного законодательства в России.

Если бы моя книга была признана заслуживающей степени магистра, то очень важно, чтобы это было сделано именно Вами. Через это Вы своим авторитетом поддержали бы в общественном сознании проводимые в книге принципы вероисповедного законодательства и, может быть, еще более способствовали бы сохранению за православной Церковью в России важного общественного значения, столь необходимого прежде всего в интересах самого Русского государства. Для наших законодателей среди современной спутанности многих основных понятий было бы очень полезно услышать Ваш голос и в подтверждение устанавливаемого мной положения, что свободу совести нельзя смешивать с наделением религиозных обществ публичными правами. Наконец, нечего, конечно, и говорить, что для меня лично Ваше одобрение было бы лучшим поощрением к дальнейшим работам по многим столь внезапно возникшим у нас современным вопросам в области церковного права. Разрешение этих важных вопросов, как показал опыт, никак нельзя возлагать на одних наших законодателей, часто неопытных, иногда зараженных крайней партийностью, а нередко и прямо невежественных.

Итак, позволяю себе просить для своей книги Вашего внимания и по вопросу о представлении ее на степень магистра.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. Я имею уже степень кандидата богословия от Петербургской Дух[овной] академии с правом без новых испытаний представить сочинение на степень магистра.

№ 3

9 ноября 1910 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Не знаю, как и благодарить Вас за Ваше внимание к моим трудам. Согласно указанию в Вашем письме, я обратился в Петербургскую академию с просьбой выслать мне удостоверение об окончании мной курса. Теперь это удостоверение получено, и я прилагаю его к прошению на имя ректора Казанской академии. По вопросу о времени назначения диспута не решаюсь ничего сказать. Конечно, для меня чем скорее, тем лучше, но я отнюдь не желаю кого-либо поставить в какое-либо затруднительное положение в этом отношении. Поэтому прошу назначить его, когда найдете удобным для себя и для другого рецензента.

Газетные известия об избрании меня на кафедру церковного права в Московскую академию верны. Сам я вовсе и не думал об этом, и вся инициатива шла не от меня. В 1908 году я имел предложение баллотироваться на эту кафедру в Демидовском юридическом лицее на место проф[ессора] Гидулянова, а в 1909 году — в Петербургской академии, но тогда я по разным причинам отказался от этого. Когда же вопрос поднялся и в настоящем году, то я уже не считал себя вправе поддерживать далее свой отказ. В своей совести я почувствовал опасность сознательно уклониться от исполнения своих обязанностей перед Высшей волей и в случае избрания решил принять на себя немалый труд, усложняемый еще современным значением науки церковного права для разрешения многих важных церковно-государственных вопросов. Откровенно говоря, во мне мелькала, может быть, дурная надежда, что партия Громогласова все-таки сумеет провести своего кандидата.

Выборы на кафедру церковного права прошли очень бурно и продолжались в двух заседаниях совета по 5–6 часов каждый раз. Оказывается, Заозерский уже 18 лет тому назад обещал Громогласову передать свою кафедру. Выставление же кандидатом меня оказалось для громогласовцев совершенно неожиданным, и в течение 5 минут в совете наступило молчание. Но затем, собравшись с духом, партия Громогласова принялась употреблять всякие способы, лишь бы отстоять своего кандидата. Со стороны их было подано несколько особых мнений, в которых они не остановились даже, может быть, перед заведомым извращением фактов. Мало того, всю эту фактическую ложь постарались напечатать в газете «Русское слово», словом, вели себя по меньшей мере неприлично. Но во всей этой истории неприятным для меня оказалось лишь поведение Н. А. Заозерского. Возражения его против моей кандидатуры носили какой-то неясный характер. Чтобы сказать что-либо против, Н. А. Заозерский, по-видимому, забыл почти все, что говорил раньше мне и другим.

Не буду утруждать теперь Вашего внимания всей этой историей, а если угодно, могу рассказать ее уже лично. Во всяком случае я начинаю сожалеть, что не согласился в прошлом году баллотироваться на кафедру в Петербургской академии. Там это дело не обострило бы так партийные страсти и профессорская среда иная...

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание ко мне.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 4

30 ноября 1910 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Посылаю на Ваше имя еще один экземпляр книги «Закон о старообрядческих общинах» и для другого рецензента. В академическую библиотеку, конечно, вышлю все свои книги, какие есть у меня, бесплатно. Хочу прислать также и свое исследование «Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии», печатавшееся во «Временнике Демидовского юридического лицея»⁵⁸. Но для этого пришлось отдать книгу брошюровать, и с ней вышлю и все другие.

Могу сообщить Вам, что по поводу книги «Закон о старообряд[ческих] общинах» я получил два письма из-за границы. Одно от епископа Никодима (Милаша) в Далмации. В нем, между прочим, епископ говорит: «Чтение Вашей книги произвело на меня очень хорошее впечатление и возбудило большой интерес. Со вниманием к настоящему переходному во всем состоянии духовной жизни в России Ваши мысли об отношении Церкви и государства и о свободе совести, высказанные в книге, отличны. Точно так же отлична и мысль, что в зависимости от условий исторической жизни Русского государства оно должно нравственно-духовно быть связано с православной Церковью и признавать ее господствующею. Настоящий православный русский человек, который призван при теперешних обстоятельствах в России быть активным деятелем в законодательстве, не может иначе мыслить и говорить».

Другое письмо мне прислал профессор одного из католических институтов во Франции аббат Грасье, знакомый Дмитрия Алексеевича Хомякова, сына Алексея Степановича Хомякова⁵⁹. Грасье пишет, что он прочел книгу не только с интересом, но и пользой. Вопрос об отношении Церкви и государства имеет значение во всех государствах Европы... В последнее время пришлось заняться вопросом о Церкви в связи с вопросами о Толстом⁶⁰, которые вызывают полный хаос мнений в современном обществе. На днях по просьбе совета братства⁶¹ прочел лекцию «Лев Толстой в отношении к православной Церкви», на которую собралось много народа. Вышла она, кажется, удачной, и, по словам некоторых слушателей, они поняли, наконец, «что такое Церковь». Сейчас получил приглашение прочесть ее в С[анкт]-П[етербурге] в придворных сферах, где также, по-видимому, путаются в таких вопросах.

Если мне придется приехать в Казань, то, может быть, не бесполезно было бы прочесть подобную же лекцию и где-либо в Казани. На всякий случай предлагаю Вам программу лекции.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 5

29 декабря 1910 г.

Глубокоуважаемый Илья Степанович!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и Новым годом! Почти до самого праздника мне пришлось пробыть в Петербурге, и я несколько замедлил с высылкой своих книг в библиотеку академии. Кроме того, до сих пор не могу нигде найти двух своих книжек: «О необходимости созыва Собора» и лекции в Демидовском юридическом лицее «Об участии народа в делах церковных». Правда, они были напечатаны в небольшом количестве, но я не ожидал, что обе они уже разошлись. Остальные книги высылаю, за исключением «Закона о старообрядческих общинах», которые уже есть в библиотеке.

Вы, конечно, уже знаете, что первый вероисповедный закон провалился. Согласительная комиссия Г[осударственной] Думы и Г[осударственного] Совета окончилась ничем. Дума и Совет, вероятно, лишь одобряют действия своих представителей. Столыпин возмущен, и эти чувства возмущения захватывают, кажется, и мое имя. Их не может не разделять и прислужник Столыпина

Лукьянов, тем более что книга моя была прочитана государем. По слухам, около тех мест, где я говорю об отсутствии разъяснений Синодом принципа свободы совести и о молчании обер-прокурора, когда в Г[осударственной] Думе поносили православную Церковь, государь поставил карандашом знак вопроса.

Уже одно это обстоятельство в связи с моими постоянными заявлениями о полной негодности существующего у нас церковно-бюрократического строя оказало влияние и на разрешение вопроса о замещении кафедры церковного права в Московской академии. К сожалению, во всех инстанциях я обратился в предмет каких-то пререканий. Вы уже знаете о страстной борьбе в совете академии. Она передалась и в синодальные сферы. Вопрос о замещении кафедры обсуждался в 3 заседаниях Синода, которые были очень бурные. Ко всеобщему недоумению, митрополит Антоний стал на сторону Громогласова, и на этой почве между ним и митрополитом Московским произошли крупные разговоры.

Оказывается, Громогласов недели две жил в Петербурге перед рассмотрением дела. Выдавая себя за сторонника академической свободы, он через главноуправляющего земледелием Кривошеина проник к Лукьянову, который на почве нерасположения ко мне легко склонился на его сторону. Кроме того, Громогласов униженно просил митрополита Антония о защите и жаловался на вражду к нему ректора и некоторых профессоров. Лукьянов, просьбы Громогласова, а также и утверждения некоторых лиц, что я при своих взглядах на церковное управление могу заразить ими студентов и нарушить спокойствие в академии,— все это подействовало на м[итрополита] Антония. Когда большинство членов Синода, начиная с митрополита Киевского Флавиана, начало было требовать утверждения меня, м[итрополит] Антоний стал говорить, что я человек светский, посторонний для академии, а Громогласов принадлежит к духовной семье и уже 18 лет читает лекции по истории раскола, что я, наверное, не откажусь от адвокатуры и не соглашусь жить в Сергиевском Посаде. Сам митрополит Московский просил Синод о воспреещении профессорам академии совмещать свое звание с другой службой и жить вне Посада⁶². Этим сам митрополит Московский закрыл доступ в академию г[осподину] Кузнецову.

Не разрешая вопроса по существу, м[итрополит] Антоний предложил для очищения от приставших к нему страстей обратить дело к другому порядку замещения кафедры путем конкурса. Лица, играющие вообще лишь роль пассивных членов Синода, сейчас же согласились с первоприсутствующим, за исключением м[итрополита] Владимира. А когда на последующих заседаниях Синода м[итрополит] Владимир принял на себя уже совсем боевую роль и наговорил м[итрополиту] Антонию не все приятное, м[итрополит] Антоний стал поддаваться, и все пришли к заключению, что вследствие возражений со стороны м[итрополита] Владимира необходимо прежде всего разрешить вопрос, допустимо ли вообще оставление Громогласова в академии, о чем и потребовать от м[итрополита] Владимира подробного донесения. На этом дело пока и остановилось.

Но и мне при таких условиях не следует уже идти в академию, с чем, я полагаю, согласитесь и Вы. Что за удовольствие служить в учреждении, когда представители высшей власти будут недовольны моим пребыванием в нем и каждую минуту могут быть склонны причинить какое-либо затруднение или даже сделать что-либо неприятное? Теперь я со спокойной совестью могу отказать от кафедры, как это я и сделал в прошлом году, когда меня приглашали в Петербургскую академию.

Следует заметить, что м[итрополит] Владимир, упрекая м[итрополита] Антония в непоследовательности, указал ему на приглашение меня в Петербургскую академию, сделанное с его утверждения. Тогда м[итрополит] Антоний, смутившись, заметил: «Почему же г[осподин] Кузнецов не принял тогда этого предложения? Для него было бы удобнее жить в Петербурге». Кроме того, в настоящее смутное для Церкви время, при полном разложении высшего церковного управления, мне кажется, всего удобнее в интересах Церкви не связывать себя и свою деятельность с разлагающимся духовным ведомством. При таких условиях теперь можно больше влиять на общество и легче быть выслушиваемому представителями синодального ведомства.

Вообще, в русском церковном управлении совершаются дела, достойные слез, как выразился один из св. отцов о положении Церкви своего времени. За последнее время мне особенно близко пришлось войти в соприкосновение с синодальными сферами. Все виденное и слышанное приводит к заключению, что между Лукьяновым и м[итрополитом] Антонием установилось, может быть, и безмолвное соглашение, по которому м[итрополит] Антоний присвоил себе всю власть во внутренних церковных делах и распоряжается ими, как угодно, при полном безмолвии со стороны других пассивных членов Синода, а взамен этого он должен делать уступки Совету министров, нужные ему по разным современным вопросам. В этом отношении Синод во многом обратился в отделение Канцелярии Совета министров. По Петербургу циркулирует очень характерное замечание м[итрополита] Антония о Лукьянове: «Мы им довольны. Он нам не мешает».

Что Вы скажете на это, если вспомнить, что Лукьянов не только не способен понимать интересов Церкви, но готов приносить их в жертву в угоду Столыпину и сохранению своего положения? Читали ли Вы мою статью в «Москов[ских] ведом[остях]» 8 декабря 1910 г. № 283 «Невероятный слух» по поводу разрешения Синодом печатать Библию помимо Синода? Об этой статье я имел разговоры с некоторыми членами Синода. Все они сначала пытались, было, утверждать, что в ней неверно изложен факт, что в постановлении Синода не сказано о сектантах, а идет речь лишь о римско-католиках, армяно-григорианах и протестантах. Но когда я указал, что протестанты-то и есть первые сектанты, то их Высокопреосвященство, по-видимому, удивились, как будто услышали это в первый раз, и не знали, что отвечать. Один из членов Синода признался мне, что вот в моей статье вопрос освещается и с исторической, и с юридической стороны, а им дали подписать краткое определение без всяких справок и разъяснений.

В числе других мне пришлось беседовать с Ярославским архиепископом Тихоном⁶³, во многом alter ego митрополита. Сам м[итрополит] Антоний был болен, и я не мог видаться с ним лично. Архиеп[ископ] Тихон между прочим высказал, что м[итрополит] Антоний, ознакомившись с моей статьей, поручил передать, что он просил Лукьянова включить в постановление Синода о разрешении печатать Библию во всем согласно синодальному изданию, но Столыпин и Лукьянов не согласились на это, сославшись на возможную путаницу от такого пояснения. Когда же о моей статье сообщили Лукьянову, то он с озлоблением заметил: «Это обычная неосновательная нападка на Синод». Однако мою статью читали и на заседании Синода и не нашли ничего лучше, как в оправдание себя объявить, да и то каким-то частным путем, что в постановлении Синода не сказано о сектантах. Самого же определения Синода опубликовать не решились. Но ведь подобное объявление только морочит общество и основано на главном бюрократическом принципе: «Лишь бы все было спокойно, а какой ценой — это все равно!» Хороши действия Синода!

Прошу извинения, что много написал Вам, но мне хотелось, так сказать, отвести душу беседой с Вами как человеком, преданным Церкви и не взирающим на лица.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. на след. 3-м листе [речь идет о нумерации листов в данном письме, сделанной самим Кузнецовым. — Т. Б.].

29 декабря 1910 г.

P. S. Совсем, было, забыл сказать еще, что м[итрополит] Антоний, узнав о моем пребывании в Петербурге, при разговоре с одним епископом, коснувшись дела о замещении кафедры церковного права в Московской академии, заметил: «А что, Кузнецов очень недоволен мною! Ведь для него самого едва ли удобно принять службу в академии». Когда эти слова были переданы мне, я со своей стороны просил сообщить митрополиту, что его отношение к этому вопросу — дело его совести, и им он только снял с моей совести неясный и смущавший меня вопрос: должно ли мне принимать на себя чтение лекций в академии или нет. Но раз уже зашла речь обо мне, я желал бы разъяснить, как смотрит митрополит на мою церковно-общественную деятельность и те взгляды, которые я провожу и в своих сочинениях, и в публичных лекциях. Может быть, он считает их вредными и опасными. На это я получил ответ митрополита, подтвержденный вполне и архиепископом Тихоном, что м[итрополит] Антоний ни против меня, ни против моей деятельности и взглядов ничего не имеет и желает их продолжения.

Но, конечно, если я поступлю на службу в ведомство Синода, то отношение это легко может и измениться, особенно под разными посторонними влияниями, которым митрополит так мало может противиться. Когда приходится заниматься животрепещущими современными вопросами, затрагивающими положение многих, то у людей невольно разгораются страсти, которые могут толкать их на поступки, не ожидаемые ими самими.

Если не затруднит, не откажите черкнуть, в каком положении вопрос о диссертации.

Н. Кузнецов.

№ 6

2 января 1911 г.

Глубокоуважаемый Илья Степанович!

Приветствую Вас с Новым годом. В академию, наконец, посланы все мои книги, какие мог отыскать. Очень извиняюсь, что, кажется, замедлил с этим и заставил Вас обращаться к свящ[еннику] Пятницкому для приобретения книг. В числе других посылаю свое сочинение «Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии». Тема эта ввиду почти полного отсутствия ученых трудов в этой области была предложена мне моим учителем проф[ессором] Н. С. Суворовым для моего кандидатского сочинения, а затем Н. С. Суворов посоветовал мне переработать этот вопрос еще более в сочинение магистерское, что я и сделал. По предложению Н. С. Суворова и по постановлению совета Демидовского юридического лица сочинение это напечатано во «Временнике» лица, начиная с книги 74. Читая его, проф[ессор] Суворов говорил мне, что он находит сочинение достойным степени магистра церковного права.

Но с наступлением 1905 года, когда в России сразу остро выдвинулись многие важные церковно-общественные вопросы и мне по совету того же проф[ессора] Суворова пришлось заняться ими, внимание мое было оторвано от моего сочинения. Печатание его прервалось, и пока напечатано уже 608 страниц, хотя весь материал у меня уже собран и мне остается лишь окончить печатание. Сочинение мое главным образом основывается на изучении разного рода первоисточников, т. е. многочисленных законодательных актов и данных, впервые извлеченных из архивов по рассматриваемому вопросу.

Был бы очень Вам благодарен, если бы Вы пожелали прочесть и этот мой труд и не отказали указать мне, что в нем требует исправления и дополнения и в чем я ошибся. Вашими указаниями я постарался бы воспользоваться при выпуске книги отдельным изданием. Бывший директор Департамента дух[овных] дел иностр[анных] испов[еданий] Мосолов⁶⁴ говорил мне, что моя книга может очень пригодиться Департаменту при издании новых законов по делам иностранных исповеданий.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. Еще раз прошу извинения за промедление в доставке своих книг.

№ 7

6 янв[аря] 1911 г.

Глубокоуважаемый Илья Степанович!

В ответ на Ваше письмо от 2 января посылаю Вам несколько номеров «Москов[ских] вед[омостей]», в которых идет речь о делах церковных. В дополнение к сказанному мной по вопросу о замещении кафедры церковного права в академии могу сообщить, что дело это получило чуть ли не общественное

значение. На днях у меня было одно лицо из Петербурга. Оказывается, некоторые лица из разных слоев общества спрашивали митрополита Антония, почему Синод не утверждает меня, и выражали сожаление об этом. А, например, профессор П. А. Кулаковский⁶⁵, известный славянский деятель, член советов министр[ов] внутр[енних] дел и народ[ного] просв[ещения] [sic! — Т. Б.], прямо сказал митрополиту, что такое решение Синода едва ли в интересах Церкви. Все это, конечно, неприятно действует на митрополита, и он, кажется, начинает уже сожалеть, что дело приняло такой оборот и служит предметом разговоров.

Мало этого, даже среди некоторых членов Госуд[арственного] Совета и лиц, принадлежащих к придворным сферам, идут разговоры, что дело это лишний раз обнаруживает вредную для Церкви политику м[итрополита] Антония и что Лукьянов по мелкому чувству личного недовольства моей церковно-общественной деятельностью, затрагивающей его положение как обер-прокурора, принял сторону Громогласова, человека ничтожного в научном отношении и сомнительного в политическом. Репутация же митрополита Владимира еще более укрепилась, как человека, стремящегося отстаивать интересы Церкви. При таких условиях м[итрополит] Антоний и Лукьянов, как люди слабые, для снятия с себя упрека в нецерковности, по слухам, не прочь уже сами принести Громогласова в жертву своему спокойствию и реноме и окончательно потопить его.

Между тем со стороны ректора представлен доклад о невозможности представлять Громогласова в академии вообще как по его ученому ничтожеству, так и по его интриганству и по неясности у него самого понятия о Церкви, которую он старается вовлечь в революционное движение. Митрополит Владимир вполне одобрил доклад и повез его в Петербург для представления Синоду. По всей вероятности, Громогласов потонет во всей этой истории. Во всяком случае не его уму заниматься интригами в Петербурге!

Что же касается меня, то из Петербурга, Москвы и некоторых других городов я получаю лишь сожаление по поводу неутверждения меня Синодом и с выражением мне своего сочувствия. Даже бывший ректор академии епископ Евдоким⁶⁶ говорил товарищу председателя Тульского окружного суда, который на днях был у меня, что он не понимает, как Синод мог покровительствовать такому ничтожеству, как Громогласов. При таких условиях по вопросу о получении мной степени магистра в Синоде едва ли могут быть затруднения. Сам м[итрополит] Антоний при обсуждении даже в Синоде, говорят, заметил: «Правда, Громогласов — магистр, а Кузнецов нет. Но ведь и он скоро может получить эту степень, может быть, даже и за свои печатные труды». Митрополит же Владимир прямо указывал в этом отношении на мою книгу «Закон о старообрядч[еских] общинах», которую он один из членов Синода и прочел всю. Если дело о магистерстве пройдет в академии, то я на всякий случай побываю у м[итрополита] Антония для объяснений.

Поверьте, что если бы я просил его по делу о профессоруре, то он, вероятно, отнесся бы к нему иначе. В последнее время, как говорят, у него особенно обнаруживаются чувства величия и он любит, когда его просят. Но по вопросу

о получении кафедры я не хотел употреблять каких-либо усилий с своей стороны, как это сделано сторонником академической автономии Громогласовым, и считал, что решение вопроса о том или другом лице — дело совести членов Синода. Утверждение же в степени магистра — вопрос иного сорта и не затрагивает ни жизни академии и ни других лиц.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. Надеюсь, академия уже получила для библиотеки посланные ей мои книги. Может быть, мне нужно бы написать при этом заявление в совет.

№ 8

20 янв[аря] 1911 г.

Глубокоуважаемый Илья Степанович!

Согласно Вашему желанию посылаю Вам несколько номеров «Москов[ских] вед[омостей]» со статьями, имеющими отношение к делам церковным. Статья епископа Никона⁶⁷: «Новое светило церковного права» очень задела Громогласова и его сторонников. Но мне не нравится ее политический тон. По-моему, следовало бы говорить не о политике, а о том, что претендующий на кафедру церковного права Громогласов не имеет ясного понятия о Церкви, если находит нужным участие ее в революционном движении.

Статья «Выступления буддизма» произвела впечатление в высших сферах и подействовала больше, чем Синод, который поручил 3 митрополитам переговорить с государем, но Столыпин их не допустил. В конце декабря у меня было одно лицо, близкое ко двору. В разговоре он заметил: «А не найдете ли Вы какого-либо законного выхода, чтобы приостановить постройку буддийского капища в С[анкт]-П[етербурге]?» (!) Теперь сообщают, что постройка эта уже приостановлена.

Одобряете ли Вы мои соображения по славянскому вопросу в докладе Петербург[скому] Славянскому обществу, который в сокращении напечатан в «Москов[ских] вед[омостях]» 9 и 10 января 1911 г.⁶⁸ Вообще, имейте в виду, что «Москов[ские] ведомости» хотя и не очень распространенная газета, но читается в высших правительственных и духовных кругах. По вопросам церковным она стоит вне всякой связи с политикой. Статьи ее могут иметь большее значение, чем каких-либо других газет, вследствие чего я и пишу в ней иногда. 24–25 января еду в Петербург по приглашению читать там в разных обществах и местах лекцию «Толстой в отношении к Церкви», причем пользуюсь случаем выяснить положительную идею Церкви, о чем в головах большинства теперь почти полный хаос.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 9

Петербург, 19 февраля 1911 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Сейчас был у Москов[ского] митрополита. Оказывается, дело о замещении кафедры в связи с вопросом о Громогласове вновь еще не слушалось в Св[ятейшем] Синоде. Несколько раз его ставили на повестку, но очередь

до него не доходила. Кроме того, его желают разрешить в присутствии м[итрополита] Антония, а он не всегда бывает в Синоде. Опасаюсь, как бы Синод не отменил своего указа о конкурсе, находящегося у м[итрополита] Владимира и задержанного им по желанию Синода. Оказывается, Громогласов, вероятно для осуществления своих идей об автономии академии, лазал также ко многим членам Г[осударственной] Думы из октябристов и клеветал на ректора академии и меня, извращая положение дел. Вчера я виделся с некоторыми из этих лиц и разъяснил им весь истинный ход дела. Они недоумевают относительно поведения Громогласова.

В последнее время в С[анкт]-П[етербурге] упорно держится слух, что дни Лукьянова сочтены. На его место придворные круги выдвигают сенатора Дедюлина⁶⁹. По крайней мере, он не акушер и не бактериолог⁷⁰, а юрист, и, кажется, человек порядочный и желающий блага Церкви. Вообще, Лукьянов — человек ни к какой государственной деятельности не годный и, кроме того, совершенно не умеющий обращаться с людьми и вести какую-либо самостоятельную политику помимо указания Совета министров и Столыпина. На днях, наприм[ер], на рауте у Столыпина, как мне рассказывали присутствовавшие там члены Г[осударственной] Думы, все министры вели оживленные разговоры с членами Г[осударственной] Думы и Г[осударственного] Совета. Один Лукьянов держался особняком и своим видом напоминал волка, привезенного из лесу в город.

На днях был в Выборге и виделся с архиеп[ископом] Сергием⁷¹, одним из участников Комиссии по составлению академич[еского] устава, и указывал ему на разные нелепости нового устава. Архиеп[ископ] Сергей утверждает, что он не повинен в том, что сделал Синод, а вернее Лукьянов. 30-летний срок ввел Лукьянов, а арх[иепископ] Сергей и его сторонники хотели ограничить 30 годами лишь пребывание членами правления, а вовсе не профессорами. Распределение предметов и установление каких-то практических занятий также сделано Лукьяновым, вероятно, под влиянием архиеп[ископа] Дмитрия⁷². Вообще, многие участники Комиссии сознают уже непригодность нового устава, и, вероятно, с переменой обер-прокурора и первоприсутствующего новый устав вскоре пересмотрят⁷³.

Нет ли каких-нибудь известий по вопросу о диспуте?

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. По определению Синода вам [sic! — Т. Б.] уже послан или будет послан на заключение вопрос о диакониссах, возникший по поводу учреждения в Москве новой общины великой княгиней Елизаветой Феодоровной⁷⁴. Интересно, как Вы разрешите этот вопрос.

№ 10

10 апреля 1911 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Приветствую Вас с праздником Воскресения Христова! Конечно, Вы уже знаете об окончании дела Громогласова. Он запутался в собственных интригах и погиб в них. Помните, я писал Вам, что митрополит Антоний и Лукья-

нов, ставшие на сторону Громогласова под влиянием общественного мнения из высших сфер, не надежные для него защитники. Так и вышло. Они отнеслись в конце концов к Громогласову по меньшей мере равнодушно. На днях ректор уже объявил Громогласову указ Синода об его увольнении и в прощальной беседе указал ему на все неприличие его поведения и обивание порогов у разных лиц в качестве приверженца академической автономии, сопровождаемое инсинуациями против ректора и меня. Громогласов вдруг стал уверять, что во всем происшедшем он винит не ректора, а некоторых профессоров. Насколько Громогласов вообще низок и насколько все его крики о свободе и независимости преподавателей представляют лицемерие, показывает следующий случай. Громогласов состоит инспектором одного из женских учебных заведений. По удалении из академии он вдруг обращается к преподавателю русского языка Н. Н. Кишкину с заявлением, что теперь уроки эти нужны ему самому, и поставил дело так, что этот преподаватель должен уходить.

Из-за своей книги «Закон о старообрядческих обществах» недавно мне пришлось начать борьбу с Лукьяновым, которая чуть было не разгорелась в целый скандал. Учебный комитет при Св[ятейшем] Синоде по отзыву его председателя Беликова признал за моей книгой значение по вопросу о разъяснении принципа свободы совести и связанного с ним вероисповедного законодательства и рекомендовал книгу для приобретения в библиотеке учебных заведений. Когда журнал об этом Учебного комитета дошел до об[ер]-прокурора, Лукьянов потребовал самую книгу и все делопроизводство и долго держал все это у себя в столе. Затем во время одного из докладов ему по делам Комитета, когда зашла речь об этом журнале, прямо объявил: «Я не стану пропускать отзыв о книге, в которой порицается моя деятельность как обер-прокурора».

Когда мне сообщили об этом, я сейчас же решил принять энергичные меры к освобождению своей книги от незаконного ареста в столе обер-прокурора. Это было тем необходимее ввиду предполагаемого диспута в Вашей академии. Я отправился к некоторым членам Св[ятейшего] Синода, которые по обыкновению, конечно, ничего не знали о действиях об[ер]-прокурора. Я просил их частным путем освободить мою книгу и предупредил, если они не сделают этого, то я подам официальную жалобу в Синод на действия Лукьянова. Если Синод не одобряет его действия, пусть потребует от него объяснения. Если же Синод солидарен с Лукьяновым в отношении к моей книге, то пусть так и объявит мне установленным порядком, а я со своей стороны о такой солидарности Синода объявлю во всеобщее сведение. Наконец, если моей жалобе не будет дан законный ход, то я опубликую в печати все дело. Видя мое твердое решение действовать так, многие начали просить меня подождать поднимать историю и советовали сначала обратиться с прошением к самому Лукьянову. Я отчасти согласился на это, но вместо прошения написал Лукьянову письмо, копию с которого здесь прилагаю. Просить его мне было не о чем, разве о том, чтобы он вел себя приличным образом.

Как Вы думаете, что же произошло? Письмо мое Лукьянов получил 1 марта, а затем, никому не говоря ни слова о моем письме, делает распоряжение

о внесении журнала Учебного комитета в заседание Синода 9 марта. Перед заседанием Синода он вдруг обращается к Московскому митрополиту со словами: «Сегодня нужно заслушать журнал Комитета о книге Кузнецова. По множеству дел я все никак не мог просмотреть его. Книга Кузнецова действительно заслуживает большого внимания». 9 марта Синод утвердил журнал Комитета, и в тот же день по распоряжению Лукьянова мне было послано извещение от Учебного комитета, причем дело дошло до того, что к отходу в Москву скорого поезда был послан курьер, чтобы извещение в тот же день было отправлено в Москву.

Когда я прочел м[итрополиту] Владимиру свое письмо Лукьянову, о содержании которого ранее митрополит не знал, он очень смеялся над словами, сказанными ему Лукьяновым. Таким образом, Синод, как видите, уже определил свое отношение к моей книге, и теперь, я полагаю, в Синоде уже не может быть каких-либо задержек, если книга в качестве диссертации пройдет у Вас. Ведь я должен был воспользоваться случаем бестактности Лукьянова именно ввиду предстоящего диспута, чтобы заставить Синод так или иначе высказаться о моей книге, которая, как посвященная современному острому вопросу, естественно, возбуждает разные страсти. По поступлении же книги в Синод в качестве диссертации с возможными против нее враждебными течениями было бы труднее бороться и не в такой благоприятной для меня позиции. Теперь все эти течения, по-видимому, убиты уже в корне.

Вообще церковное управление, как видите, в полном параличе. Это особенно ярко подчеркнула история с Илиодором⁷⁵. По-моему, если вскоре не соберут Собор, то авторитет Синода обратится в совершенный нуль.

Преосвященный Феодор⁷⁶ писал мне на днях, что диспут предполагается в июне. Правда ли это? Для меня это время очень удобное.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

Письмо Н. Д. Кузнецова С. М. Лукьянову⁷⁷

1 марта 1911 г.

Ваше Высокопревосходительство милостивый государь Сергей Михайлович, в Петербурге распространился слух, что Вы не желаете утверждать журнал Учебного комитета при Св[ятейшем] Синоде, содержащий благоприятный отзыв о моей книге «Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства». Не хочу верить, чтобы у Вас как обер-прокурора Св[ятейшего] Синода, призванного по своей должности к защите прав православной Церкви, могло быть такое отношение к книге, написанной в разъяснение и защиту именно этих прав.

Книга моя получила одобрение такого авторитетного лица в области науки церковного права, как проф[ессор] Бердников, и некоторых других русских и даже иностранных ученых. К ней с большим сочувствием отнеслись многие иерархи Русской Церкви. На нее обратили внимание члены Государственной Думы и особенно члены Государственного Совета, которые, как мне известно, даже пользовались ею при рассмотрении в Г[осударственном] Совете закона о старообрядческих общинах. Наконец, книга моя была

удостоена прочтения государем императором, и, как мне передал покойный генерал А. А. Киреев, вообще произвела хорошее впечатление в самых высших кругах. При таких условиях еще труднее верить, чтобы Вы в качестве обер-прокурора Св[ятейшего] Синода могли задерживать благоприятный отзыв о моей книге. Если Вы не согласны с идеями, проводимыми в книге, то Вы как человек, близкий к науке, конечно, лучше других понимаете, что научные исследования требуют свободы мнений и слова, и не станете же Вы бороться с неразделяемыми Вами взглядами путем подобных внешних давлений, едва ли вообще достигающих целей в области науки.

Правда, в моей книге есть замечание, что Вы как представитель интересов православной Церкви недостаточно разъяснили и отстаивали в Государственной Думе права и историческое положение в России православной Церкви. Но, к сожалению, ведь это так, и об этом говорю далеко не один я. Мало того, оскорбление, нанесенное в [Государственной] Думе православной Церкви одним из членов Думы, к общему недоумению, со стороны Вас осталось без всякого ответа... В своей книге я должен был сказать эту правду уже потому, чтобы лучше оттенить современное положение православной Церкви в России, которое будущий историк едва ли определит иначе, как пренебрежение интересами православной Церкви и непонимание необходимости для Русского государства поддержания нравственно-духовной связи с его исторической Церковью.

Неужели же одно такое мое замечание может заставить Вас, человека, занимавшегося наукой, восстать, да еще путем внешнего давления, против самой книги, посвященной принципиальному решению одного из важнейших церковно-государственных вопросов, выдвинутых новыми условиями русской жизни? Право обсуждать подобные вопросы и критиковать в этом отношении образ действий правительственных лиц даровано русскому обществу государем императором самым введением новых законодательных учреждений и свободы печати, и эти лица едва ли вправе претендовать теперь на прежнее полное молчание со стороны общества, особенно когда дело идет о важных вопросах государственной жизни. Позволяю себе надеяться, что петербургский слух о Вашем отношении к моей книге основан на каком-либо недоразумении и для меня не явится необходимости принимать какие-либо меры к защите своей книги, имеющей принципиальное значение и преследующей разъяснение интересов православной Церкви в России.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.
Н. Кузнецов.

№ 11

10 мая 1911 г.

Глубокоуважаемый Илья Степанович!

Очень благодарю за Вашу телеграмму о высылке книги. Она была получена 7 мая в мое отсутствие. По возвращении из С[анкт]-П[етербурга] 9 мая я сейчас же послал по почте книги в совет академии. У меня нашлось пока 50 экземпляров. Из них для г[оспод] членов совета только 22 экземпляра на

лучшей бумаге. Если посланных экземпляров будет недостаточно, то остальные я привезу сам, взяв их у книготорговцев. Я надеюсь, что они еще не все проданы. Когда, может быть, определенно выяснится день диспута? Можно ли рассчитывать на него с 2–7 июня или позже?

Вот видите, как скоро исчез с горизонта Лукьянов. Недавно он совершенно оскандалился в Госуд[арственном] Совете, когда шел вопрос о всеобщем обучении в связи с вопросом о церковноприходских школах. Он оказался не в состоянии разобраться в вопросе и стал просить отсрочить рассмотрение дела, чтобы он мог к нему подготовиться. В Госуд[арственном] Совете на это не согласились, а между тем В. К. Саблер⁷⁸ разъяснил дело. Об этом факте было доведено до Царского Села. Кроме того, по слухам, государь поставил на вид Лукьянову, что он неверно представил ему дело Илиодора, и поставил его в необходимость оставить Илиодора вопреки определению Синода. Все это и заставило Лукьянова немедленно подать в отставку.

Как бы ни относиться к Саблеру, все же он предан Церкви и будет поддерживать церковное направление. Я надеюсь, что при его содействии, может быть, еще удастся переработать все вероисповедное законодательство. Правда, по отношению к Саблеру есть некоторая опасность по вопросу о клерикализме, но последние годы, кажется, должны были раскрыть ему глаза на это. Что касается моей книги «Закон о старообрядческих общинах», то Саблер очень хвалил ее митрополиту Владимиру и прямо сказал, что Госуд[арственный] Совет пользовался ею при рассмотрении закона. Таким образом, теперь со стороны обер-прокурора и самого Синода, одобрявшего отзыв о ней Учебного комитета, препятствий для книги быть уже не может.

Митрополит Антоний, конечно, недоволен назначением Саблера, но роль митрополита, по-видимому, уже окончена. Он нередко заговаривается и делается уже совершенно не способным заниматься делами. Ожидают возможности еще нового, последнего удара. Во всяком случае теперь влияние его в Синоде и на церковные дела вообще очень подорвано. Кандидатом на его место называют в высших правительственных сферах архиеп[ископа] Арсения, а некоторые и архиеп[ископа] Тихона. Но с назначением Саблера открывается возможность выдвинуться и архиеп[ископу] Антонию Волынскому⁷⁹.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 12

12 мая 1911 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Помните, я выражал опасения, как бы Синод не отменил своего определения о замещении кафедры церков[ного] права в Москов[ской] академии путем конкурса. Опасения мои оправдались. Вчера у меня был ректор академии и прочел указ Синода от 4 мая, полученный в академии 9 мая. В нем Синод, обращая внимание, что между 2 кандидатами на кафедру, рекомендованными советом, голоса разделились поровну, но на стороне Кузнецова оказался голос ректора как председателя совета. Поэтому Синод находит нужным утвердить избранного советом Кузнецова, тем более что другой канди-

дат уже совсем устранен Синодом как не способный продолжать службу в академии. Я, было, совсем покончил с этим вопросом и, будучи в С[анкт]-П[етербурге], даже не поинтересовался узнать, в каком положении оказалось дело после удаления Громогласова. Теперь не знаю, что и делать.

С одной стороны, при конкурсе, может быть, найдутся люди более [далее неразборчиво.— Т. Б.], кроме того, несколько членов совета явно не желают моего присутствия в академии. Наконец, иные могут думать, что я вел интригу против Громогласова. С другой стороны, я никогда не добивался этой кафедры и не употребил никакого усилия для ее получения. Дело устроилось как-то само собой, и я боюсь сознательно не исполнить, может быть, возложенную на меня Высшей волей обязанность по мере сил послужить Церкви. Действовать в таких случаях, наприм[ер], по самолюбию, что Синод под давлением Лукьянова и митрополита Антония, уже сошедших со сцены, не сразу утвердил меня,— прямо страшно.

В Москве не хотят и слышать о моем отказе и утверждают, что это было бы преступлением с моей стороны против нового церковного направления и причинило бы огорчение тем лицам, которые, несмотря на разные интриги, в интересах дела старались добиться моего утверждения как лица, избранного вполне правильно. Посоветуйте, как поступить. Для меня Ваш совет имеет большое значение. Может быть, я могу отказаться?

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

12 мая 1911 г.

P. S. Вчера получил и Ваше письмо. Время диспута 10–15 июня для меня очень удобное. Не стоит ли мне прочесть в Казани в пользу какого-либо полезного дела или учреждения публичную лекцию «Толстой в отношении Церкви», которой очень заинтересовались в Москве и Петербурге? Но, может быть, в июне и в Казани наступает мертвый сезон и не найдутся слушатели? Тогда, конечно, не стоит. Книги в совет академии для ускорения посланы посылкою по почте, о чем я уже и телеграфировал, и писал Вам.

№ 13

31 мая 1911 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Ваше письмо получил и очень благодарю за извещение. Сейчас ко мне пришло письмо Преосв[ященного] Феодора, в котором он сообщает, что, к сожалению, он должен отказаться от поездки в Казань. В академии предстоят три диспута, и он не успеет освободиться к нужному сроку. Мне придется ехать одному. Поэтому назначайте диспут как удобнее для всех. Для меня же все равно, я могу приехать когда угодно⁸⁰. В совет академии мной послано еще 10 экземпляров моей книги.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. В Петербурге некоторые профессора академии спрашивали меня: «Неужели Вы вступите на кафедру по пролитой крови Громогласова»? В ответ на это я заметил: «Да разве я проливал кровь Громогласова? Он сам благодаря своей близорукости наткнулся на острие и пролил свою кровь!

Неужели же я в определении своей деятельности должен считаться с этим совершенно не зависящим от моей воли фактом?» Кроме того, я сослался на Ваш совет мне, и многие из профессоров за исключением 2–3 непримиримых признали, что Вы правы. Если я не получу нового сообщения о дне диспута, то я буду считать, что он назначен на 12 июня, как Вы писали.

№ 14

25 декабря 1911 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и желаю Вам крепости сил, чтобы подольше послужить Церкви. Вы, вероятно, слышали, что в Петербурге на политическом рауте у графа А. А. Бобринского по приглашению некоторых членов Г[осударственного] Совета мной был сделан доклад по поводу закона о переходе из одного исповедания в другое⁸¹. Доклад этот вызвал чуть ли не бурю в правых партиях и синодальных сферах. Его начали всячески перетолковывать и обвинять меня, будто я требую разрыва связи государства и христианства, будто я отрицаю необходимость для государства быть христианским и т. п.

Но Вы не верьте этому. Я утверждаю, что государство должно быть православным и стоять в нравственно-духовной связи с прав[ославной] Церковью. Государство отнюдь не должно смотреть на Церковь как на свою часть и подчинять себе церковное управление. Церковь должна пользоваться полной свободой жить по своим нормам и порядкам. Смешение понятий церковного и государственного есть большое зло и вредно для обеих сторон. К удивлению, многие официальные представители Церкви оказались не способными разобраться в этом и у них недостаточно ясно понятие, что такое Церковь. Крайние же правые партии недовольны мной, что я требую для Церкви полной свободы, не допускающей обращения ее в орудие каких-либо политических целей.

Словом, по важнейшему современному вопросу об отношении Церкви и государства обнаружилось в высших сферах какое-то вавилонское смешение разных понятий. Отсюда разгар страстей, который передался и в Москву. В Петербурге и здесь, оказывается, часть людей за меня, а другая против, готовая обвинить меня чуть ли не в покровительстве атеизму. В январе я надеюсь напечатать в сокращенном виде свой доклад и тогда буду просить Вас высказать о нем Ваше мнение, которое я очень ценю и уважаю. От своих противников я слышу чуть ли не ругательства и никаких возражений по существу. «Вы слишком логичны», — упрекают они меня. Слышали ли Вы о таких упреках? Обыкновенно ставят в вину недостаток логики, а никак не ее присутствие.

24 декабря прочел в «Русском слове» и «Новом времени», что В. К. Саблер поручает мне выступить гражданским истцом в грандиозном уголовном процессе по Александрo-Свирскому делу⁸². Это вполне возможно, хотя я еще не получил официального извещения. При последнем моем разговоре В. К. Саблер действительно спросил меня, соглашусь ли я принять на себя ведение этого дела. «Если Вы желаете полного раскрытия всех его пружин, кого бы они

не касались, то я готов на это», — ответил я В. К. Саблеру. «Об этом именно я и прошу Вас», — сказал он. «В таком случае я в Вашем распоряжении», — заметил я. Александро-Свирское дело действительно является грандиозным и еще небывалым у нас уголовным процессом о злоупотреблениях по управлению церковным имуществом. Обвиняются секретарь консистории с женой, 2–3 протоиерея, члены консистории и благочинный — еврей Вольнский, — и один горный инженер. Обвинительный акт — целая книга. Вызывается около 100 свидетелей. Будет 6–7 защитников, с которыми придется спорить. Все это только еще более подогревает меня. Дело слушается в феврале в Екатеринославле в выездной сессии Харьковской судебной палаты. Я считаю его очень важным в церковно-государственном отношении, и если оно действительно поручено мне, то придется уже приступить к изучению всех его деталей.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

№ 15

23 марта 1912 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Приветствую Вас с праздником Воскресения и желаю здоровья и крепости сил на многие, многие лета... Как Вам нравится новое Предсоборное совещание? Инициатива его вовсе не Саблера, как писали газеты, а архиеп[ископа] Антония, который подобрал себе членов, не способных отстаивать твердо свои мнения. Соколов же Ив. Ив. приглашен в интересах восстановления бюрократическим способом Патриарха⁸³. Когда я спросил членов комиссии, почему же они не назначили Вас, то ответ был такой: «Для успеха работ вреден большой состав совещания». Рункевич⁸⁴ мне объяснил, что совещание не будет портить трудов Предсоборного присутствия, но я сомневаюсь в этом.

Вы, конечно, знаете результат Александро-Свирского уголовного процесса, на котором я выступал в качестве гражданского истца. Перед судом впервые прошли все порядки консисторского строя и обнаружили свою полную непригодность, чтобы не сказать больше. Во всяком случае процесс этот несколько подвинул дело о церковных преобразованиях, и с этой стороны он имеет важное значение.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.
Н. Кузнецов.

P. S. Я все-таки надеюсь, что Вас пригласят в Соборное совещание и Вы не откажетесь от этого...

№ 16

29 марта 1912 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Еще раз приветствую Вас с праздником. Надеюсь, Вы получили мое письмо. Одновременно с этим письмом посылаю Вам брошюру «Оборотная сторона дела епископа Гермогена»⁸⁵. Она представляет из себя статью, написанную по просьбе некоторых сотрудников «Нового времени». Она уже была набрана, но затем редакция начала просить исключить из нее часть, чтобы

не стать в противоречие со своими прежними статьями. Я заявил, что не имею обыкновения менять свои взгляды по желанию редакции, и взял статью обратно. Тогда одно лицо, близкое ко двору, просило у меня разрешения издать статью отдельной брошюрой. Я, конечно, согласился и на днях получил из Петербурга от издателя часть брошюр, из которых одну и посылаю Вам. Очень было бы интересно узнать о ней Ваше мнение.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.
Н. Кузнецов.

№ 17

25 декабря 1912 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова. Давно уже собираюсь писать Вам. Но накопилось столько материала для этого, что его не вместить уже в письмо, и я все откладывал до личного свидания. Из Уфимского окружного суда должно перейти одно мое дело в Казанскую судебную палату, и я рассчитывал быть скоро в Казани. Но решение дела в Уфе затянулось, и мой приезд в Казань все еще остается невыясненным. Ввиду этого попытаюсь кое-что изложить Вам в этом письме.

Назначение обер-прокурором В. К. Саблера не улучшило положения церковных дел. Мои надежды рушатся. Для нового строя жизни, по-видимому, он уже не годится, и при нем дело преобразований едва ли придет к благополучному концу. Печальное положение церковных дел особенно ярко обнаружилось при недавнем замещении митрополичьих кафедр. Саблер проводил арх[иепископа] Сергия⁸⁶ в С[анкт]-П[етербург], но государь не согласился на это и, по-видимому, совсем забракoвал арх[иепископа] Сергия. Другие вместо арх[иепископа] Сергия проводили экзарха Грузии⁸⁷ и, в крайнем случае, арх[иепископа] Николая⁸⁸. Против этих лиц начали бороться Саблер и арх[иепископ] Антоний. Кроме того, относительно экзарха появился пасквиль, в котором было указано 17 его любовниц с их местожительством в разных городах.

Чтобы спасти положение, партия Саблера выдвинула митрополита Владимира⁸⁹, который и был назначен. В Москву же Саблер проводил арх[иепископа] Антония, которому уже был заготовлен и рескрипт. Другие усиленно рекомендовали в Москву архиеп[ископа] Серафима Кишиневского⁹⁰, который был даже вызван в С[анкт]-П[етербург]. Против всякого ожидания государь забракoвал архиеп[ископа] Антония. Рассказывают, что, недовольный разными искательствами, государь велел Саблеру доставить краткие биографии всех иерархов и сам назначил в Москву арх[иепископа] Макария⁹¹. В Москве этим назначением довольны, потому что арх[иепископ] Макарий не добивался сам этого места и много послужил уже Церкви.

Арх[иепископ] Антоний при его склонности добиться не только митрополии, но и Патриаршества, конечно, недоволен и теперь не стесняется ругать даже своего покровителя В. К. Саблера за то, что он поступил с ним неосмотрительно. По его мнению, Саблер должен был сначала, наверное, узнать желание государя и уже потом представлять его в митрополиты. Без сомнения, роль

забракованного хуже незамеченного. Вообще, я все более и более начинаю разочаровываться в арх[иепископе] Антонии и перестаю ждать от него чего-либо хорошего для Церкви. Если он не попал в митрополиты, то и поделом ему. Восставая против светской власти в делах церковных, он сам все время опирается на обер-прокурора Саблера, возмущая этим других иерархов. Вообще, отношения Саблера и арх[иепископа] Антония как-то не понятны. С одной стороны, Саблер не особенно хорошо отзывался об Антонии, а с другой, ведет его в митрополиты. Подобные отзывы об Антонии слышал лично и я сам.

Вы, конечно, получили мою книжку «Забывтая сторона дела еп[ископа] Гермогена и вопроса о патриаршестве». По поводу нее Антоний вместо разбора моих соображений по существу стал распространять среди архиереев слух, что за написание книжки я получил деньги от «Союза 17 октября». Конечно, я могу ошибаться и оказаться невеждой в вопросе, но торговать своими убеждениями я никогда не собирался. Возмущенный столь наглой клеветой, я предупредил Саблера, что подаю жалобу на арх[иепископа] Антония по обвинению его в клевете. Саблер по обыкновению схватился за голову и убеждал меня оставить дело, так как необузданный язык Антония всем известен и никто ему в этом не поверит. Недавно арх[иепископ] Антоний выпустил брошюру «Беда от лжебратий»⁹², в которой старается пачкать Заозерского, Остроумова и меня за наше несогласие с его фантазиями о патриаршестве. Мне многие, а особенно некоторые архиереи, советуют написать ответ, и я теперь займусь этим.

Надеюсь, Вы в добром здравье и еще много лет поработаете на пользу Церкви.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

Р. С. Архиепископ Антоний, недовольный назначением Макария, в Москве теперь утверждает, будто он прошел благодаря Распутину, который указал государю на Макария и еп[ископа] Палладия Пермского⁹³. Но все это при настоящем положении дела сомнительно. Если так, то у арх[иепископа] Антония, значит, совершенно не хватает духу выступить против Распутина, которого он сам считает хлыстом. В заключение вот Вам еще печальная новость: В. К. Саблер, митрополит Владимир и арх[иепископ] Антоний, кажется, собираются совершенно похоронить мысль о Соборе и относятся враждебно ко всякой агитации в этом направлении. Хорошо!

№ 18

17 апреля 1913 г.

Многоуважаемый Илья Степанович!

Поздравляю Вас с праздником Воскресения Христова и желаю крепости сил на дальнейшее служение Церкви. Мне приходится гореть, как в огне, от разных дел и вопросов. Все вероисповедные законопроекты опять переделаны в Св[ятейшем] Синоде и никак не к лучшему. В них встречаются прямо наивные положения, поражающие и невежеством, и непониманием задач права в области религиозной. Просто опускаются руки. Приходится бороться с самим Синодом.

В Саблере все более и более приходится разочаровываться. Теперь в С[анкт]-П[етербурге] около высшего церковного управления образована такая масса лжи, интриг, явного покровительства своим любимцам и приготовления неприятности другим, что все недовольны. Саблера открыто называют обманщиком. Кажется, даже государь перестает ему верить. А вот Вам канонический способ замещения архиереев. Еп[ископу] Феофану в Астрахани справедливо намекнули об уходе на покой и предлагали назначение в Задонский монастырь. Еп[ископ] Феофан, слывущий великим аскетом, обиделся. Между тем по состоянию здоровья ему нельзя было оставаться в Астрахани. Тогда для него начали искать место с теплым климатом и остановились на Полтаве⁹⁴. На этом основании арх[иепископа] Назария перевели в Одессу, конечно с повышением⁹⁵. Далее еп[ископу] Владимиру хотелось уйти из Омска поближе к С[анкт]-П[етербургу]. Временно ему дали место в Витебске в 10 часах езды от С[анкт]-П[етербурга]⁹⁶. Где же во всем этом интересы епархий? О них, конечно, и не вспоминают или, может быть, в душе считают, что для епархий все епископы одинаковы.

Приезд в С[анкт]-П[етербург] Антиохийского Патриарха⁹⁷ нисколько не поднял значение этого сана. М. А. Остроумов справедливо говорит, что устроили демонстрацию трупа и, конечно, не нашли в нем жизни. Патриарх прежде всего старался как можно больше набрать денег, и его насилу выпроводили из С[анкт]-П[етербурга]. В числе его свиты оказались и кредиторы его, которые налагали руку на получаемые им пожертвования, в общем очень небольшие, несмотря на усиленные хлопоты об этом арх[иепископа] Антония. Арх[иепископ] Антоний, встречая Патриарха, упал перед ним в грязь, чем вызвал смех и недоумение. По-видимому, это какой-то маниак Патриаршества.

В течение всего поста по разным городам России, где мне приходилось бывать по судебным делам, прочел 8 лекций на разные темы по церковно-общественным вопросам и преимущественно о Церкви. Продолжаю читать их еще и на пасхальной неделе. Наприм[ер], завтра назначена моя публичная лекция «В. С. Соловьев и католичество»⁹⁸. Католики издали книгу Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» во многих тысячах, продают дешево, а то и даром раздают. При помощи ее ведут свою пропаганду. Многие смущаются... Вот меня и просили разобрать эту книгу. В марте в «Богословском вестнике» напечатан мой ответ священнику, совершившему отпевание на могиле Толстого⁹⁹. Прочтите в свободную минуту и сообщите, одобряете ли написанное мной, и если нет, то что именно.

Уважающий Вас Н. Кузнецов.

P. S. Может быть, мне придется летом или в мае быть около Казани в Самаре. Мне хотелось бы заехать в Казань, чтобы увидиться с Вами. Когда Вы уезжаете на дачу и куда?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Магистерские диспуты И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова. Отд. отт. из «Богословского вестника» (1908. № 12; 1909. № 1–2). Б. м. и б. г. Здесь опубликована речь Громогласова на диспуте (С. 2–5).
- ² См. также: Журналы собраний совета МДА (далее — Журналы...) за 1910 год. С. 457–463.
- ³ ОР РНБ, ф. 194, оп. 1, № 757, л. 39 об. — 40.
- ⁴ Там же, ф. М. 4198.
- ⁵ Там же, ф. 194, оп. 1, № 421, л. 34–35.
- ⁶ Там же, оп. 2, № 158, л. 3–3 об.
- ⁷ Спасский Анатолий Алексеевич (1866–1916), профессор по кафедре истории Древней Церкви, доктор церковной истории.
- ⁸ В конце отзыва архиепископ Антоний писал: «Все эти добрые стороны давали бы, кажется, право [осподину] Громогласову на магистерскую степень, хотя и оставляют желать лучшего от диссертации академического преподавателя на 15-м году его службы. Зная со своей стороны, что главной помехой для успешной разработки им богословской науки является то обстоятельство, что он, проживая в Москве, заведует коммерческим пансионом, мы полагаем бы справедливым потребовать от него именем Святейшего Синода прекратить с получением звания экстраординарного профессора такое совместительство и избрать одно из двух: или давно желанную им и недавно полученную кафедру церковного права, или руководство подрастающего поколения в усвоении познаний коммерческих» (см.: Журналы... за 1910 год. С. 463).
- ⁹ С начала 1900-х гг. Громогласов был совладельцем и преподавателем московской Торговой школы Кузьмина и Громогласова, с 12 февраля 1909 г. инспектором классов Мариинского женского училища дамского попечительства о бедных Ведомства Марии Федоровны.
- ¹⁰ 29 ноября 1909 г. Глубоковский был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по II отделению (русского языка и словесности) по представлению академиков А. И. Соболевского и Н. П. Кондакова. Об избрании было объявлено в торжественном заседании Академии наук 29 декабря.
- ¹¹ Избран в совете 10 декабря 1909 г., 21 января 1911 г. утвержден Синодом.
- ¹² Гидулянов Павел Васильевич (1874 — после 1929), профессор Московского университета. Рецензия опубликована: Византийский временник. 1908. Т. 15. С. 153–166 и в качестве приложения к Протоколам заседания от 13 октября 1910 г.: Журналы... за 1910 год. С. 463–479.
- ¹³ Суворов Николай Семенович (1848–1909), доктор церковного права, профессор кафедры церковного права в Демидовском юридическом лицее (Ярославль).
- ¹⁴ Павлов Алексей Степанович (1832–1898), доктор церковного права, профессор Новороссийского, затем Московского университетов по кафедре церковного права. Громогласов посещал его лекции, будучи вольнослушателем Московского университета.
- ¹⁵ Речь идет о статье для «Православной богословской энциклопедии» (далее — ПБЭ).
- ¹⁶ По новому уставу 1910 г., вводились вторые кафедры по Священному Писанию Нового и Ветхого Заветов и кафедра истории Греко-восточной Церкви.
- ¹⁷ Журналы... за 1910 год. С. 427–429.
- ¹⁸ Лекции Павлова, подготовленные Громогласовым к печати, печатались в «Богословском вестнике» с 1899 по 1902 г. и затем вышли отдельным изданием: Павлов А. С. Курс церковного права. Посмертное издание редакции «Богословского вестника», выполненное под наблюдением доцента Московской Духовной академии Громогласова. Сергиев Посад, 1902.
- ¹⁹ Журналы... за 1910 год. С. 428–429.
- ²⁰ Там же. С. 429–430.
- ²¹ Там же. С. 430–432.

- ²² Т. е. Предсоборного присутствия (1906 г.).
- ²³ Введенский Алексей Иванович (1861–1913), доктор богословия, профессор по кафедре систематической философии и логики. Сергей Сергеевич Глаголев (1865–1937), доктор богословия, профессор по кафедре основного богословия.
- ²⁴ Опубликовано в качестве приложения к протоколам заседания от 13 октября. См.: Журналы... за 1910 год. С. 479–488.
- ²⁵ Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский, доктор богословия, автор многих работ по церковному праву. Отзыв опубликован в «Богословском вестнике» (1909. № 2) и в качестве приложения к протоколам заседаний от 6–13 октября: Журналы... за 1910 год. С. 453–457 и отд. оттиск.
- ²⁶ Журналы... за 1910 год. С. 435–441.
- ²⁷ Старообрядческая иерархия, образовавшаяся в 1847 г., после присоединения к старообрядцам Боснийского митрополита грека Амвросия (Паппа-Георгополи), который рукоположил для них нескольких епископов.
- ²⁸ Список работ Громогласова см.: *Голубцов С.* Стратилаты академические. М., 1999. С. 146–151.
- ²⁹ В заседании 13 октября профессор А. П. Голубцов сделал заявление о том, что в преподаватели академии отбираются лучшие студенты, а Н. Д. Кузнецов окончил курс СПбДА 55-м из 61, по разрядному списку (Журналы... за 1910 год. С. 447–448).
- ³⁰ Кузнецов окончил физико-математический факультет Московского университета и прослушал курс в СПбДА. 23 октября 1892 г. удостоен звания действительного студента, 19 сентября 1901 г., по представлении профессору С. А. Соллертинскому кандидатского сочинения по пастырскому богословию, — степени кандидата богословия. См. справку о Н. Д. Кузнецове, присланную из совета СПбДА (Там же. С. 448–449). 7 декабря 1908 г. публично защитил в совете Демидовского юридического лица диссертацию «К вопросу о церковном имуществе и об отношении государства к церковным недвижимым имениям в России». 4 мая прочел в лицее 2 пробные лекции «Участие мирян в делах Церкви» и «О Патриаршестве в России», после чего получил право преподавания в лицее в звании приват-доцента на кафедре церковного права (Протоколы заседаний совета Казанской Духовной академии за 1911 год. Казань, 1912. С. 157, 158). После увольнения В. Н. Бенешевича на замещение кафедры церковного права в СПбДА в сентябре 1909 г. были приглашены для участия в конкурсе 4 кандидата: Н. Д. Кузнецов, иеромонах Киприан (Шнитников), профессор Новороссийского университета А. И. Алмазов и бывший профессорский стипендиат по этой кафедре Г. А. Романов. Все четверо ответили отказом. Письмо Кузнецова от 8 октября было зачитано в заседании совета 15 октября 1909 г. (Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 87).
- ³¹ *Глубоковский Н. Н.* Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории. Речь, сказанная в воскресенье 30 октября 1916 г. в собрании учредителей «Всероссийского общества попечения мирян о нуждах священнослужителей православной Церкви и их семей» // Христианское чтение. 1917. № 1. С. 3–16. Отд. оттиск: Пг., 1917.
- ³² Издание ПБЭ прекратилось в 1911 г., главным образом из-за финансовых сложностей; вышло 12 томов. В августе 1916 г. Издательский совет Святейшего Синода вновь назначил Глубоковского редактором и руководителем издания энциклопедии. Работу над нею Глубоковский продолжал до лета 1917 г. Неопубликованная часть материалов ПБЭ хранится в РГИА (ф. 834, оп. 4, № 460–468).
- ³³ Очевидно, с сообщением о восстановлении Громогласова в МДА.
- ³⁴ Феофан (Туляков; 1864–1937), наместник Александро-Невской лавры с 1 февраля 1909 г. 31 мая 1915 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, в том же году 20 ноября утвержден в степени магистра богословия за сочинение «Чудо, христианская вера в него и ее оправдание». С 1924 г. — архиепископ, а с 12 ноября 1935 г. —

- митрополит Горьковский и Арзамасский. Расстрелян по приговору особой тройки НКВД.
- ³⁵ Антоний (Храповицкий; 1863–1936), в 1902–1914 гг. занимал Владимиро-Вольнскую кафедру. Не принадлежал по происхождению к духовному сословию и не прошел все ступени духовной школы, поступив в СПбДА по окончании гимназии. Глубоковский видел в этом одну из причин резкой критики архиепископом Антонием академических корпораций и в свою очередь весьма резко отзывался о нем.
- ³⁶ Антоний (Вадковский; 1846–1912), митрополит Санкт-Петербургский, с 1900 г. — первенствующий член Святейшего Синода.
- ³⁷ Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935), обер-прокурор Святейшего Синода в 1909–1911 гг.
- ³⁸ Определением Святейшего Синода от 5–8 февраля за № 1010 Глубоковский назначен штатным членом Училищного совета при Святейшем Синоде.
- ³⁹ Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929), доктор церковной истории, занимал кафедру церковной археологии и литургики КДА. 13 ноября 1907 г. по исполнению 25 лет службы уволен согласно прошению, затем был секретарем Императорского православного Палестинского общества. 14 июня 1911 г. избран на кафедру греческого языка КДА и утвержден указом от 25 июля.
- ⁴⁰ Георгий (Ярошевский), епископ Ямбургский, ректор СПбДА с 22 ноября 1910 по май 1913 г., с 1918 г. архиепископ, с 1921 г. — Патриарший экзарх в Польше, с 1922 г. митрополит.
- ⁴¹ Богословский Михаил Иванович (1844–1915), доктор богословия, профессор по кафедре Священного Писания Нового Завета КазДА.
- ⁴² Приписка профессора СПбДА по кафедре нравственного богословия Александра Александровича Бронзова.
- ⁴³ Кандидатское сочинение Кузнецова имело заголовок: «Христианство как идеал личной жизни человека на первых двух ступенях его развития».
- ⁴⁴ Красножен Михаил Егорович (1860–1941), доктор церковной истории, декан и профессор юридического факультета Юрьевского университета.
- ⁴⁵ Жузе Пантелеймон Крестович (1870–1942), магистр богословия, лектор французского языка и сверхштатный преподаватель арабского языка в КазДА.
- ⁴⁶ Алексей (Дородницын; 1859–1921), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии, доктор церковной истории (1910). Преподавал историю и обличение рационалистических сект.
- ⁴⁷ Относительно присуждения степени Кузнецову Бердников писал также А. А. Дмитриевскому 23 января 1911 г.: «Я не разделяю всех воззрений Кузнецова на церковно-канонические вопросы. Но все же, мне кажется, нельзя отрицать того, что Кузнецов, человек даровитый, искренне религиозный, защитник церковных интересов, приносит много пользы своими публичными лекциями и сочинениями. Мне кажется, таким человеком нужно дорожить и как-нибудь пристроить к делу церковному. По этим побуждениям я и поддерживаю Кузнецова в его трудах на пользу Церкви» (ОР РНБ, ф. 253, № 371, л. 6–6 об. Письмо от 23 января 1911 г.).
- ⁴⁸ Слова, выделенные курсивом, вставлены над строкой, на месте зачеркнутых Бердниковым слов: «кафедру в Моск[овской] академии».
- ⁴⁹ Кузнецов написал Бердникову на следующий день после голосования в совете МДА, 14 октября 1910 г. 29 ноября прошение Кузнецова было зачитано в совете КазДА и сочинение принято к защите. Официальными рецензентами были назначены заслуженный профессор И. С. Бердников и экстраординарный профессор священник Н. Н. Писарев.
- ⁵⁰ Об искании Кузнецовым кафедры в МДА Бердников узнал не позднее ноября 1910 г.
- ⁵¹ Т. е. кандидата богословия, имеющего право подавать сочинение на соискание степени магистра богословия без дополнительных экзаменов.
- ⁵² Иаков (Пятницкий; 1844–1922), архиепископ Казанский с 10 декабря 1910 г., с 1917 г. митрополит.

- ⁵³ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 10, оп. 5, № 1105, л. 130 об. — 131, 131 об. Письмо от 3 июня 1910 г.
- ⁵⁴ Приложения к Протоколам совета Казанской Духовной академии за 1911 год. С. 1–34 (отзыв И. С. Бердникова), 35–48 (отзыв Н. Н. Писарева).
- ⁵⁵ Протоколы совета Казанской Духовной академии за 1911 год. Казань, 1912. С. 175–176, 256–257. В РНБ имеется экземпляр книги Кузнецова, в которую вклеена отпечатанная в Казани (с разрешения ректора КазДА епископа Алексия) страница: «Тезисы к диссертации Н. Д. Кузнецова “К вопросу о свободе совести. Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства”».
- ⁵⁶ Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства: (К вопросу о свободе совести). СПб., 1910. Первоначально печаталась в журнале «Богословский вестник» (1910. № 1–8). Ранее в «Миссионерском сборнике» (1909. № 6. С. 424–439) помещен под тем же заглавием доклад, читанный Кузнецовым 15 ноября 1909 г. в Санкт-Петербурге по приглашению политического Клуба умеренных.
- ⁵⁷ Остроумов М. А. (1847–1920), профессор Харьковского университета по кафедре церковного права, внештатный член Учебного комитета при Святейшем Синоде.
- ⁵⁸ Это первое появившееся в печати исследование Кузнецова, см.: Временник Демидовского юридического лица. 1898. Кн. 74. С. 1–64; Кн. 75. С. 65–104 и отд.: Ярославль, 1898.
- ⁵⁹ Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1918/19), русский мыслитель, педагог, церковный деятель, философ славянофильского направления. Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), религиозный философ, публицист, один из основоположников славянофильства, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1856).
- ⁶⁰ Л. Н. Толстой.
- ⁶¹ Братство святителей Московских Алексия, Ионы и Филиппа, основанное в ноябре 1909 г. в Москве в Чудовом монастыре под покровительством Московского митрополита Владимира (Богоявленского), ставило своей целью «укрепление православной веры и церковной жизни на началах живого общения епископа, клира и мирян». Председателем его был Ф. Д. Самарин, среди членов братства — П. Б. Мансуров.
- ⁶² По сообщению газеты «Русское слово»: «Пред назначением г[осподин] Кузнецов специально ездил в Петербург, где выговорил себе вопреки правилам нового академического устава право жить в Москве, а не в Посаде и не прекращать своей адвокатской практики» (Замещение кафедры канонического права // Русское слово. 1911. № 112, 17 (30) мая. С. 7).
- ⁶³ Тихон (Белавин; 1865–1925), св., архиепископ Ярославский в 1907–1917 гг., с 1918 г. Патриарх Московский и всея Руси.
- ⁶⁴ Мосолов Александр Николаевич (1844–1904), администратор, писатель. Назначен директором Департамента иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в 1879 г.
- ⁶⁵ Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913), профессор, общественный деятель. Был членом совета Русского собрания, главного совета Всероссийского национального союза, одним из организаторов Русского окраинного общества.
- ⁶⁶ Евдоким (Мещерский; 1869–1935), епископ Каширский с 1907 г., ректор МДА с 9 декабря 1903 по июль 1909 г., с 1919 г. архиепископ Нижегородский. С 1922 г. в обновленческом расколе.
- ⁶⁷ Никон (Рожественский; 1851–1918), архиепископ Вологодский в 1906–1912 гг. Крупный церковный писатель, публицист, редактор и издатель. Член Святейшего Синода, член Государственного Совета. В 1893–1904 гг. казначей Троице-Сергиевой лавры. С 1904 г. епископ Муромский, с 8 ноября того же года викарий Московской епархии. В 1907 г. избран в члены Государственного Совета. С 1912 г. член Святейшего Синода, с 4 апреля 1913 г. председатель Издательского совета при Святейшем Синоде.
- ⁶⁸ О Софийском съезде и необходимости славянских съездов по вопросам религиозным // Московские ведомости. 1911. № 9, 14 (27) января. С. 2; № 10, 14 (27) января.

- С. 2. В расширенном виде опубликована под тем же заглавием: Богословский вестник. 1911. № 6. С. 259–273; № 7–8. С. 567–581.
- ⁶⁹ Дедюлин Николай Александрович, в указанное время первоприсутствующий Департамента герольдии Правительствующего Сената.
- ⁷⁰ Лукьянов имел медицинское образование.
- ⁷¹ Сергей (Страгородский; 1867–1944), в 1905–1917 гг. архиепископ Финляндский, с 1943 г. Патриарх Московский и всея Руси.
- ⁷² Дмитрий (Ковальницкий; 1839–1913), архиепископ Херсонский и Одесский, был председателем Комиссии по выработке нового устава. Комиссия работала с апреля по ноябрь 1909 г. Проект, выработанный ею, был подан в Синод, где подвергся существенной переработке в духе проекта, представленного отдельно архиепископом Сергием (Страгородским) совместно с Антонием (Храповицким) и В. К. Саблером, также членами Комиссии. В Комиссию входили архиепископы Арсений (Стадницкий), протопресвитер Иоанн Яньшев, М. А. Остроумов и назначенные Синодом профессора духовных академий А. И. Введенский (МДА), Д. И. Богдашевский (КДА) и сменивший его с сентября 1909 г. К. Д. Попов. СПбДА представлял ее ректор епископ Ямбургский Феофан (Быстров) и заменявший его во время длительного отпуска профессор И. Г. Троицкий. Все профессора пользовались репутацией «правых». Среди членов Комиссии был и Бердников, принимавший участие еще в разработке академического устава 1884 г.
- ⁷³ В июле 1911 г. по предложению архиепископа Сергия (Страгородского), назначенного ранее председателем Комиссии по выработке нового устава духовно-учебных заведений (средних и низших), в устав духовных академий были внесены дополнения, еще более увеличивающие контроль со стороны Святейшего Синода и власти ректора. Последний получил право отбирать и исключать кандидатов в преподаватели, представленных академическим советом, и некоторые другие права; была введена норма, согласно которой «в священном сане должно состоять не менее $\frac{1}{2}$ всех членов совета». Были внесены изменения и в учебную программу. Увеличено (с 14 до 17) число обязательных предметов (к ним отнесены литургия, церковная археология, история и обличение раскола и русского сектанства). Из обязательных предметов исключены дидактика, еврейский и новые языки. Из древних языков в СПбДА и МДА оставлен греческий, в КДА и КазДА — латынь. Эти дополнения утверждены 16 августа 1911 г.
- ⁷⁴ Речь идет об учреждении Марфо-Мариинской обители, для которой великая княгиня Елизавета Федоровна составила особый устав и «Чин, како примати обет сестрам и настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия».
- ⁷⁵ Илиодор (Сергей Труфанов; 1880–1958). В 1903 г. принял монашеский постриг. После краткого периода служения в Ярославской епархии жил в Почаевской лавре, участвовал в издании «Почаевских листков», через которые пропагандировал крайне радикальные правые взгляды. В 1907 г. Синод запретил Илиодору литературную деятельность, последний не подчинился. С 1908 г. иеромонах жил в Царицыне, на архиерейском подворье основал Свято-Духов монастырь. Вел агрессивную антиправительственную, антиреволюционную, антиеврейскую агитацию, имел многочисленных последователей. 20 января 1911 г. был переведен настоятелем в Свято-Духов монастырь в Новосиле. После краткого пребывания в Новосильской обители в марте того же года вернулся в Царицын; объявив о неподчинении Синоду, заперся в Свято-Духовом монастыре, охраняемый многочисленными поклонниками. Илиодор, сначала бывший другом Г. Е. Распутину, стал впоследствии его врагом. В 1912 г. Труфанов сложил с себя монашество, затем духовный сан, бежал за границу. После Октябрьской революции он, заявив о поддержке новой власти, вернулся в Царицын, где был провозглашен «всероссийским патриархом». В 1922 г. Труфанов вновь эмигрировал, скончался в США.
- ⁷⁶ Феодор (Поздеевский; 1876–1937), сщмч. В 1909 г. ректор Московской Духовной академии, 14 сентября 1909 г. хиротонисан во епископа Волоколамского.

- В 1917–1930 гг. настоятель Московского Данилова монастыря. Расстрелян. Канонизирован Собором РПЦЗ в 1981 г. как священикомученик и исповедник в сонме святых новомучеников и исповедников Российских.
- ⁷⁷ Машинопись, подпись — автограф.
- ⁷⁸ Саблер Владимир Карлович (1845–1929), с 1905 г. член Государственного Совета, в 1911, 1915 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.
- ⁷⁹ Упомянуты архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Ярославский Тихон (Белавин), архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий).
- ⁸⁰ Диспут состоялся 12 июня 1911 г. Официальными рецензентами были И. С. Бердников и священник Н. Н. Писарев. Оба рецензента весьма высоко оценили сочинение Кузнецова, которому единогласно была присуждена степень магистра богословия (см.: Приложения к Протоколам совета Казанской Духовной академии за 1911 год. С. 1–34 (отзыв И. С. Бердникова), 35–48 (отзыв Н. Н. Писарева). 12 августа Кузнецов был утвержден указом Синода, отзыв от Синода представил епископ Могилевский Стефан (Архангельский) (Протоколы совета Казанской Духовной академии за 1911 год. С. 175–176, 256–257).
- ⁸¹ Раут состоялся 6 ноября (за несколько дней до начала слушания в Государственном Совете законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое) с целью смягчить позицию противников законопроекта. Присутствовало более 100 человек из числа представителей обеих палат. Доклад Кузнецова открыл собеседование о свободе Церкви. Присутствовавшие на встрече епископ Евлогий (Георгиевский), архиепископ Арсений (Стадницкий) и епископ Митрофан (Краснопольский) подвергли доклад «сдержанной критике». 10 ноября доклад был прочитан в петербургском Клубе общественных деятелей, 28 ноября — в общем собрании Московского юридического общества, 13 декабря — в Религиозно-философском обществе в Петербурге, 14 декабря — в Петербургском юридическом обществе, а также в некоторых частных домах и собраниях. На основании сделанных докладов Кузнецов опубликовал 2 статьи (Закон о перемене религии в России // Отдых христианина. 1912. № 1. С. 102–140 (здесь же помещена рецензия на доклад. С. 198–203); Основы вероисповедного законодательства в России и закон о перемене религии // Богословский вестник. 1912. № 1. С. 52–90). В конце каждой статьи было обещано продолжение, которого, однако, не последовало. Суть доклада Кузнецова, названного на страницах печати историческим, сводилась к признанию государством права на «внеисповедное состояние» личности.
- ⁸² Дело возникло по факту продажи угленосного участка земли, принадлежавшего Alexandro-Свирской церкви г. Екатеринославля. Настоятель церкви священник Жежеленко и прихожане подали жалобу в Синод, обвинив местную консисторскую власть в продаже участка ниже его действительной стоимости. Назначенная ревизия обнаружила отступления от законного порядка ведения дел, но обвинила во всем настоятеля, который был переведен в другой округ на менее доходный приход. Тогда прихожане обратились в Государственную Думу. Дело слушалось с 6 по 17 февраля 1912 г. в Харькове. Привлечено было 129 свидетелей. Купчая была признана недействительной. Обвинительный приговор «за служебный подлог» был вынесен 4 лицам, в том числе агроному Волынскому, которому была продана земля, секретарио консистории и благочинному.
- ⁸³ Предсоборное совещание учреждено определением Синода от 28 февраля 1912 г. в качестве «постоянного впредь до созыва Собора» органа при Святейшем Синоде. Председателем его 29 февраля назначен архиепископ Сергей (Страгородский), членами — архиепископ Антоний (Храповицкий), епископ Евлогий (Георгиевский), член Государственного Совета протоиерей Т. И. Буткевич, профессор М. А. Остроумов, профессор СПбДА по кафедре истории Греко-восточной Церкви И. И. Соколов. Впоследствии состав совещания был расширен, в него вошли В. К. Саблер, товарищ обер-прокурора П. С. Даманский, вице-директор хозяйственного управления И. Н. Головин и др.

- ⁸⁴ Рункевич Степан Григорьевич (1867–1924), помощник управляющего синодальной Канцелярией, делопроизводитель Предсоборного совещания.
- ⁸⁵ Впервые (сокращенно) опубликовано в газете «Утро России» под тем же заглавием; в расширенном виде с добавлением главы о Патриаршестве — в журнале «Отдых христианина» (1912. № 5. С. 979–1031) под заглавием «Забятая сторона дела епископа Гермогена и вопроса о Патриаршестве», отд. изд. см.: СПб., 1912.
- ⁸⁶ Сергей (Страгородский; 1867–1944), Патриарх Московский и всея Руси с 1943 г.
- ⁸⁷ Иннокентий (Беляев; 1862–1913), архиепископ Карталинский и Кахетинский, в 1907–1908 гг. присутствовал в Святейшем Синоде.
- ⁸⁸ Николай (Зиоров; 1851–1915), архиепископ Варшавский с 1908 г. Ранее, с 1896 г. епископ Алеутский, начальник Американской духовной миссии. С 1898 г. управлял Таврической епархией, с 1905 г. архиепископ Тверской. Неоднократно присутствовал в Святейшем Синоде, с 27 июня 1906 г. член Государственного Совета.
- ⁸⁹ Владимир (Богоявленский; 1848–1918), сщмч., митрополит Киевский и Галицкий. В 1898 г. назначен митрополитом Московским, с 1912 г. митрополит Петроградский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода Русской Православной Церкви. За открытое осуждение Г. Е. Распутина в ноябре 1915 г. переведен в Киев. Расстрелян. Канонизирован в 1992 г.
- ⁹⁰ Серафим (Чичагов; 1856–1937), сщмч., митрополит Кишиневский (с 1908 г.). Ранее, с 1905 г., епископ Сухумский, с 1906 г. епископ Орловский. В 1908, 1911–1912, 1915–1915 гг. присутствовал в Святейшем Синоде. Расстрелян. Канонизирован в 1997 г.
- ⁹¹ Макарий (Невский; 1835–1926), свт., митрополит Московский с 25 ноября 1912 г., после 57-летнего служения миссионерскому делу.
- ⁹² *Антоний, архиеп.* Беды от лжебратий. Разбор главных возражений против патриаршества. М., 1912 (отд. оттиск из журнала «Голос Церкви». 1912. № 10). Архиепископ Антоний не знал, что под псевдонимом Gave, статьи которого он больше всего критиковал в своей брошюре, скрывается М. А. Остроумов. О Н. Д. Кузнецове он узнал мимоходом, называя его «новичком в богословии».
- ⁹³ Палладий (Добронравов; 1865–1922), епископ Пермский с 1908 г. Ранее, с 1903 г., епископ Вольский. В 1914 г. перемещен в Саратов, в 1918–1919 гг. епископ Сарapulьский.
- ⁹⁴ Феофан (Быстров; 1873–1940), с 1913 г. епископ, затем архиепископ Полтавский. Ранее, с 1909 г. епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с 1914 г. епископ Таврический. Был духовником императрицы Александры Федоровны и рекомендовал ей Григория Распутина как «старца», в чем впоследствии раскаивался.
- ⁹⁵ Назарий (Кирилов; 1850–1928), митрополит Харьковский с 1920 г. (в 1913–1920 архиепископ). Ранее, с 1893 г., епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии, затем епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1897 г. епископ Олонецкий, с 1901 г. епископ Нижегородский, с 1910 г. архиепископ Полтавский.
- ⁹⁶ Владимир (Путята), епископ Полоцкий, с января 1915 г. архиепископ Пензенский. После 1917 г. лишен сана и отлучен от Церкви.
- ⁹⁷ Патриарх Антиохийский Григорий IV.
- ⁹⁸ Еще в 1910 г. Кузнецов издал брошюру: «По поводу толков о принятии В. С. Соловьевым католицизма» (СПб., 1910).
- ⁹⁹ *Кузнецов Н. Д.* К вопросу о молитвах за гр. Л. Н. Толстого. Ответ священнику, совершившему отпевание на могиле гр. Л. Н. Толстого // Богословский вестник. 1913. № 3. С. 591–625. То же // Отдых христианина. 1913. № 5. С. 881–892, а также отдельным изданием (СПб., 1913).